

ОГОНЁК

№ 41 ОКТЯБРЬ 1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВОЛЖСКИЙ КАПИТАН

Капитан В. А. Кириллов.

Фото Риммы Лихач.

На первой странице обложки:
Строительство торгового судна водоизмеще-
нием 10 тысяч тонн на верфи Варнов в Гер-
манской Демократической Республике.

На последней странице
обложки: Осень.
Фото В. Тарасевича.

Может быть, вы видели пароход во вре-
мя плавания по Волге где-то между Горь-
ким и Астраханью? Это большой современ-
ный быстрый корабль. Он носит имя одно-
го из легендарных русских богатырей —
Добрыни Никитича. Два его брата, такие
же красивые быстроходные корабли,
«Илья Муромец» и «Алеша Попович»,
тоже плавают по Волге между Астраханью
и Горьким.

Капитан корабля — Владимир Андреевич
Кириллов. Это энергичный, смелый чело-
век. Ему тридцать три года, он самый мо-
лодой капитан пассажирского речного
флота...

С детских лет Владимир Андреевич лю-
бил воду и мечтал стать моряком. Он хо-
рошо учился, прекрасно понимая, что
знания — залог будущих успехов. После
окончания средней школы поступил в
Астраханское речное училище, которое
закончил в 1942 году, в самый разгар вой-
ны. Не долго пришлось ему в должности
третьего помощника капитана плавать
на пароходе «Тургенев», перевозить пас-
сажиров из Астрахани в Горький.

Кириллова зачислили в экипаж подвод-
ной лодки. Он бил фашистов в Белом и
Баренцовом морях. И за проявленные
доблесть и мужество страна наградила
его орденами и медалями. Война кончи-
лась, но молодой моряк еще пять лет
прослужил на флоте.

И только в 1949 году Владимир Андре-
евич вернулся на Волгу — сперва плавал
четвертым помощником капитана, а потом
стал капитаном.

Много было счастливых дней в жизни
Владимира Андреевича. Но, по его утверж-
дению, самый счастливый — это день,
когда он принимал на ростоцких судовер-
фях в ГДР три парохода: «Добрыню Ни-
китича», «Алешу Поповича» и «Илью Му-
ромца». На один из них — «Добрыню Ни-
китича» — его назначили капитаном.

Недавно В. А. Кириллова наградили ме-
далью «Лучший капитан министерства».

Экипаж парохода «Добрыня Никитич»
взял на себя обязательство выполнить се-
милетку за шесть лет. Пожелаем же ка-
питану Кириллову и его друзьям с честью
выполнить это обязательство.

Иржина БУРЕШОВА

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС, КИТАЙСКИЕ ДРУЗЬЯ!

30 сентября в Пекин прибыл глава Партийно-правительственной делегации Советского Союза Н. С. Хрущев. На снимке: товарищи Н. С. Хрущев и Мао Цзэ-дун на аэродроме.

Фото агентства Синьхуа (снимок принят по фототелеграфу).

Десять лет Китайской Народной Республики — десять великих шагов по пути социализма! Десять лет, полных героического труда и огромных побед! Десять лет, которыми гордится китайский народ!

Эту гордость разделяют с ним советские люди, победам китайского народа радуются все страны социалистического лагеря. В праздничный Пекин прибыли делегации из Советского Союза и стран народной демократии, представители братских коммунистических и рабочих партий многих стран. Из Москвы на самолете «ТУ-114» прилетел в Пекин на празднование 10-летия Китайской Народной Республики глава Партийно-правительственной делегации СССР — Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев.

На всем пути следования от Лос-Анжелоса до Сан-Франциско тысячи американцев приветствовали Н. С. Хрущева. На станции Сан-Луис Обиспо Н. С. Хрущев вышел на перрон и сразу оказался в плотном кольце дожидавшихся его людей.

БАРОМЕТР ИДЕТ НА ЯСНО

Борис ИВАНОВ

Фото Андрея НОВИКОВА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Уже неделя минула с тех пор, как серебристый «ТУ-114» приземлился на Внуковском аэродроме, принеся на своих крыльях того, кто достойно представлял советский народ за океаном, — Никиту Сергеевича Хрущева. Это было непродолжительное по времени, но великое по своему историче-

скому значению путешествие. Тринадцать дней, которые провел глава первого в мире социалистического государства в Соединенных Штатах Америки, буквально совершили переворот в представлениях миллионов людей этой страны. Многие из тех, кто запутался в паутине лжи о Советском

Союзе, как бы взглянули на нашу страну новыми глазами.

— У нас словно сняли повязку с глаз, — говорил мне в Эймсе профессор Джон Лемеш. — Ваш премьер привез добро всем людям. К порогу нашего дома вернулись вера и энтузиазм.

Американцев всколыхнуло, за-

ставило сильнее биться их сердца не только личное обаяние Никиты Сергеевича, не только его неиссякаемое остроумие, народный, образный язык, умение просто и душевно говорить о самых сложных проблемах, но и то, что они наконец услышали правду о политике Советского правительства.

Никита Сергеевич изложил программу мира — программу, о которой мечтает каждый человек на земле. И это не могло не заставить взметнуться миллионы рук, протянутых для того, чтобы соединиться в дружеском пожатии с руками советских людей.

«Председатель Хрущев! Да благословит Вас бог и спасибо Вам за Вашу пропозицию по разоружению», — прочитал я у въезда в университетский городок Эймс. И рядом: «Давайте вместе делать мир!».

В Эймском университете десять тысяч студентов. Они учатся на зоологическом, химическом, сельскохозяйственном факультетах. И все десять тысяч за два часа до прибытия сюда Никиты Сергеевича Хрущева вышли на улицы зеленого городка. Они запрудили все тротуары, мостовые, люди влезали на деревья и крыши домов. Полиция пыталась умерить теплоту готовящейся встречи. Куда там! Когда машина советского гостя с трудом пробиралась сквозь толпу к зданию факультета домоводства, ее сопровождал гул приветственных голосов: «Хэлло! Хэлло, Никита!», «Мир!».

Молодежь горяча. Она непосредственно и искренне выражала свои чувства. Молодежи принадлежит будущее. И она хочет, чтобы завтрашний день пришел без тревог, озаренный огнями счастья и благополучия. Отблеск этих огней она увидела в приезде главы Советского государства.

Никита Сергеевич осмотрел класс, где готовят учителей по домоводству. Он задушевно беседовал со студентками и, прощаясь, пожелал им всем хороших женихов.

Знаки теплого внимания, большие и малые, были рассыпаны на всем многотысячном пути поездки Никиты Сергеевича Хрущева по Штатам. Они выражались по-разному, но все были направлены на то, чтобы показать, как радушно относятся американцы к историческому визиту, как хотят они сделать путешествие Н. С. Хрущева памятным и приятным.

...Маленький городок Кун-Рэпидс, затерявшийся в безбрежных кукурузных полях далекой Айовы. На стеклянных витринах магазина я прочитал такую рекламу на русском языке: крупно — «Высший сорт». Рядом — «Флоридский золотой замороженный апельсиновый сок», «Пламенный токайский виноград», «Стиль-пюре — кукуруза марки «Счастливые хозяева».

Кто-то из журналистов в шутку сказал хозяину магазина мистеру Поллаку:

— Реклама — двигатель торговли!

— Вы меня даже обидели! Это специально для супруги мистера Хрущева, чтобы не затруднять ее внимание.

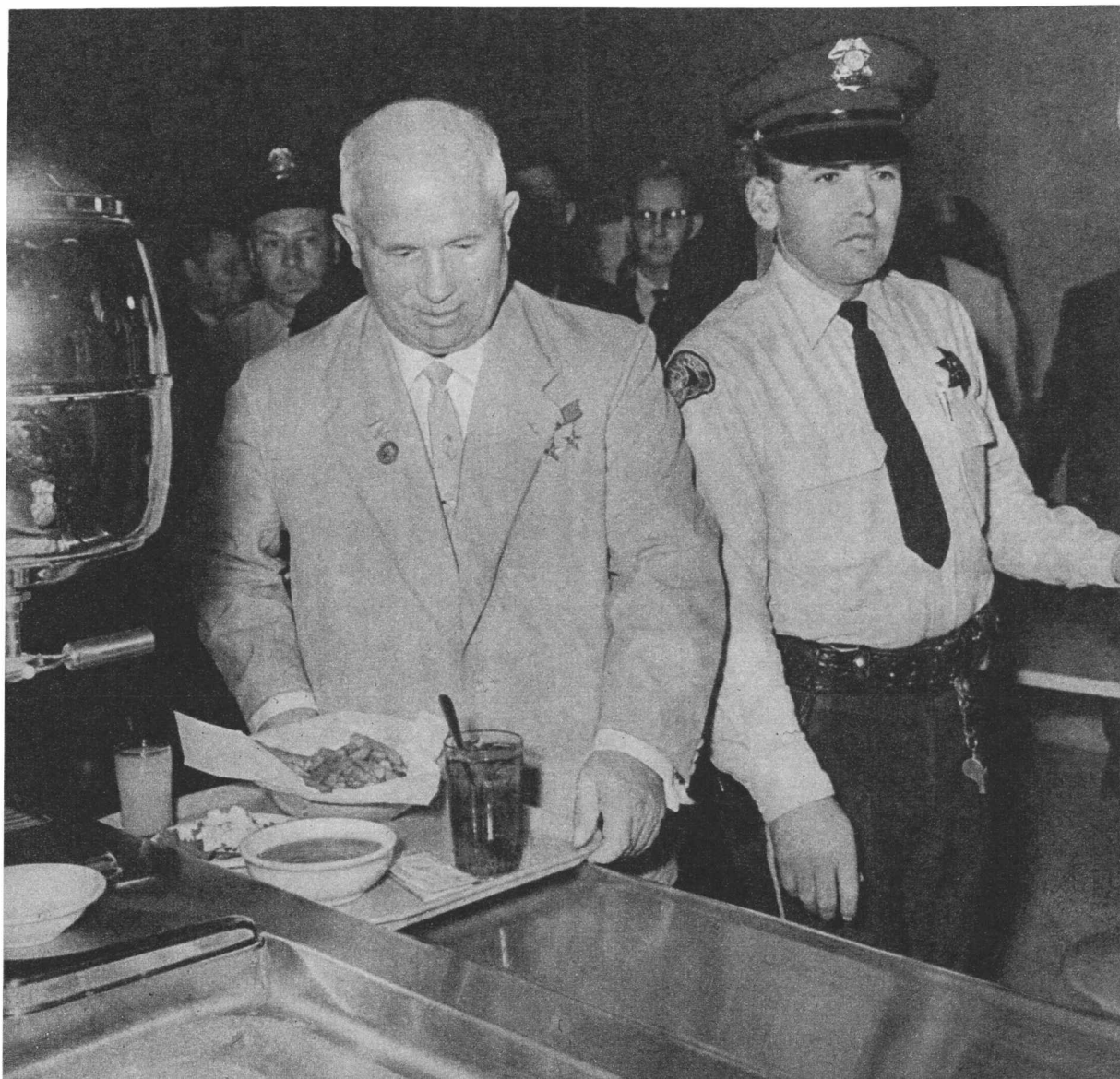
Девушки в белых кофточках разносили по улицам Кун-Рэпидса золотистые початки кукурузы с привязанными к ним картонными бирочками, на которых было напечатано: «День Хрущева: Айова, 23 сентября 1959 года».

Мне особенно запомнился эпизод, разыгравшийся в городе стали Питтсбурге, раскинувшем свои кварталы на высоких гранитных берегах реки Огайо. Эпизод на первый взгляд незначительный, но он красноречиво говорит о том интересе, какой проявляли

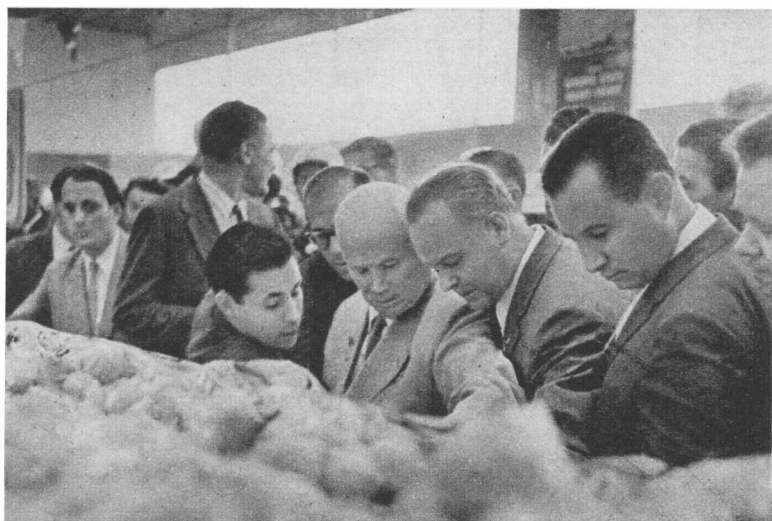
Вашингтон. Н. С. Хрущев и г-жа Эйзенхауэр направляются на обед в советском посольстве.

Посетив завод счетных машин в городе Сан-Хосе, глава Советского правительства позавтракал в заводском кафетерии.

Так встречали Никиту Сергеевича Хрущева студенты Эймса.

американцы к визиту, о горячем их желании жить с советским народом в мире и дружбе.

Как и всегда, у гостиницы, где остановился Н. С. Хрущев, толпы людей. Все ждут появления Никиты Сергеевича, собирающегося в этот момент отправиться на завтрак в Питтсбургский университет. Машину, в которой сидели мы, журналисты, окружили мужчины, женщины, молодежь. Каждый просит на память хоть какой-нибудь сувенир. Уже розданы значки, монеты, ручки, русские мат-

решки, все, что было захвачено с собой в Москве.

— Что-нибудь! — говорит женщина на ломаном русском языке, обращаясь ко мне.

Я шарю по карманам — к сожалению, пусто.

— Ну хоть что-нибудь! — снова умоляюще повторяет она. — Отрежьте кусочек материи от пиджака. Для всех нас сегодня такой день!..

В руках у меня дешевая шариковая ручка, только что купленная в соседнем магазине. Женщи-

←

В Сан-Франциско советские гости осмотрели продовольственный магазин.

Нина Петровна Хрущева знакомится с молодыми жителями Эймса.

на ее увидела и радостно воскликнула:

— Подарите ручку!

— С большим удовольствием. Но ручка американская!

— О, неважно! Она ведь побывала в руках советского человека. Главное — это. Чтобы вас не обезоружить, я вам отдам свою, такую же.

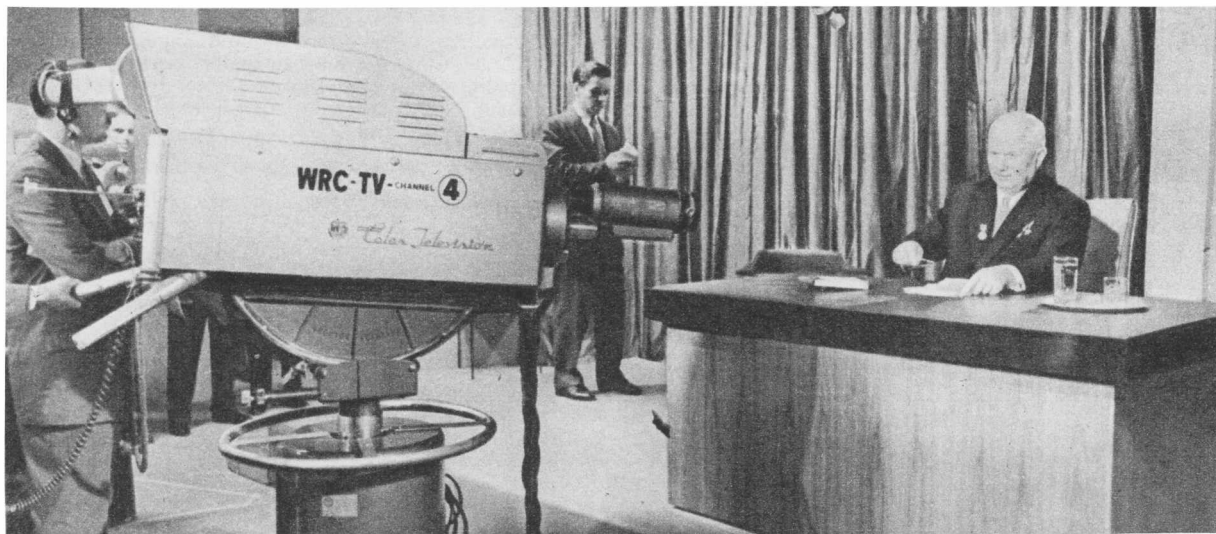
Маленькая желтая шариковая ручка теперь для меня самый дорогой сувенир, который всегда бу-

дет напоминать о чистоте и искренности сердца простой американки.

За время своего путешествия по Соединенным Штатам Никита Сергеевич проехал десятки городов. Но встречали его, желали ему счастливого пути, высказывали свое одобрение его визита жители сотен городов. Обычно к тому месту, где останавливался высокий гость, съезжались даже из далеких штатов. Таким обра-

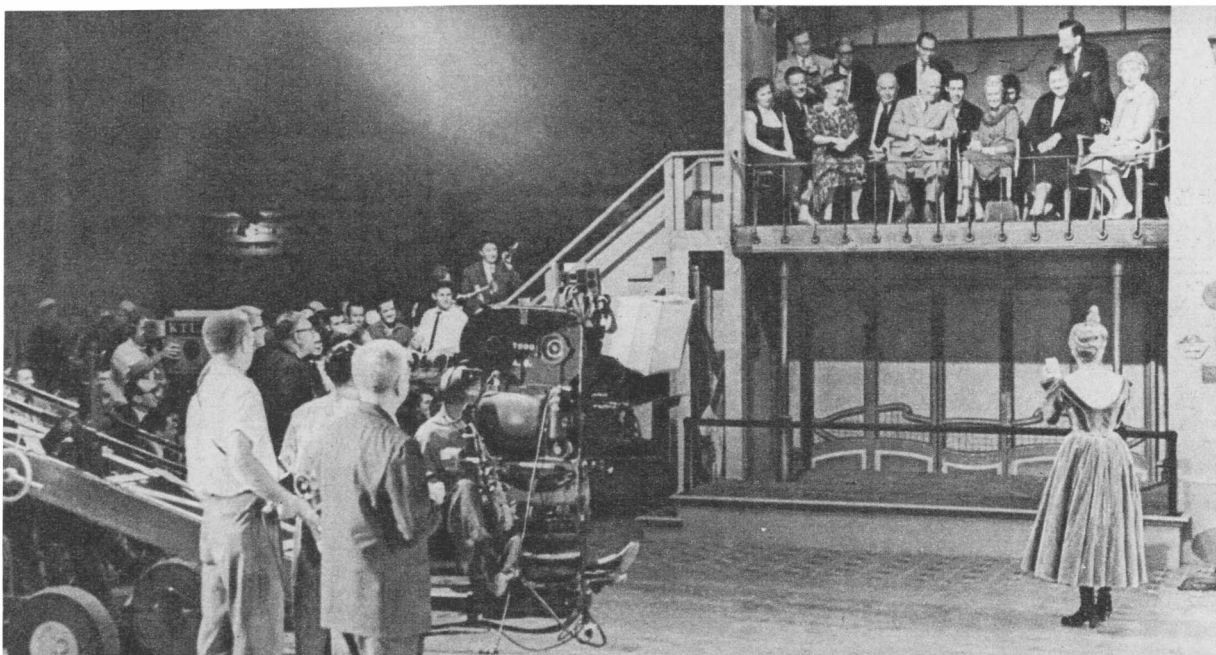
Н. С. Хрущев осматривает поля фермера Россуэлла Гарста.

В Вашингтоне перед началом выступления по телевидению.

Голливуд. Советские гости в одном из павильонов киностудии «Твентис Сентури-Фокс». Актриса Шерли Маклейн зачитывает приветствие на русском языке.

зом, Никита Сергеевич словно поговорил со всем американским народом.

На ферме у Гарста я познакомился с мистером Кетчером из города Ортонвилла штата Миннесота. Ему шестьдесят лет. Он приехал в штат Айова вместе со своим сыном. Мистер Кетчер — редактор и хозяин ортонвиллской газеты.

— В нашем маленьком городе три тысячи жителей, и все одобряют визит советского премьера, — сказал мне мистер Кетчер. — Хочу хоть на старости лет повидать великого человека.

В Никите Сергеевиче простых американцев подкупали не только подлинная человечность его мыслей, но и глубокое знание предметов, о которых он заводил речь или которые ему демонстрировали на фермах и предприятиях страны. Даже у знаменитого кукурузовода Гарста, бесспорного знатока этой культуры, посвятившего ей всю свою долгую жизнь, Никита Сергеевич нашел недостатки. Осматривая поля, он заметил, что кукуруза слишком загущена, а значит, хозяйство получит меньше кормовых единиц с посевной площади. С этим не мог не согласиться старик Гарст.

Никита Сергеевич сразу нашел общий язык с портовыми рабочими Сан-Франциско и рабочими машиностроительного завода компании «Места», с актерами Голливуда, прерывавшими чуть ли не каждую фразу его выступления аплодисментами, со студентами Эймса.

Все живое тянется к солнцу, все хорошее — к добру. Многие родители приходили встречать главу Советского правительства со своими детьми. Каждый стремился показать Никите Сергеевичу своего ребенка. В лос-анжелосской гостинице «Амбасадор»

Президиум митинга трудящихся Москвы, посвященного возвращению Н. С. Хрущева из Соединенных Штатов Америки. На трибуне — товарищ Н. С. Хрущев.

Фото Я. Рюмкина.

мы встретили молодого отца, который привез трехлетнего сына для того, чтобы обязательно сфотографировать его с Никитой Сергеевичем.

На дворе завода сельскохозяйственных машин «Джон Дир», расположенного близ города Де-Мойн, я познакомился с госпожой Лундаль. Она пришла с тремя детьми — Томом, Анни и Дэвом. Все трое заявили мне, что они очень хотят рассказать Н. С. Хрущеву о своих успехах в школе, что у них в классах поставлен телевизор и все школьники следят за поездкой советского гостя.

Никита Сергеевич охотно разговаривал с детьми, брал малышей на руки, по-отцовски ласкал их.

Как известно, визит Н. С. Хрущева закончился беседами с Д. Эйзенхауэром в Кэмп Дэвиде. Это небольшая резиденция президента, расположенная в холмистой местности неподалеку от Геттисберга. Там почти сто лет назад свободолюбивые северяне одержали решающую победу над рабовладельцами Юга. И вот снова Геттисберг занесен на страницы истории человечества. Близ него встретились главы двух величайших государств, от доброй воли которых во многом зависит, быть ли людям свободными от страха войны.

«Следует учесть, однако, — сказал Никита Сергеевич Хрущев на митинге в Лужниках в день своего возвращения из США в Москву, — что мы не могли, естественно, в один присест расчистить вдвоем с президентом все нагромождения «холодной войны», накопившиеся за многие годы. Для того, чтобы убрать этот мусор, и не только убрать, но и перемолоть его, требуется время...

Время — хороший советчик, как говорят русские люди: «утро ве-

чера мудренее». Это мудро сказано. Давайте мы обождем утра, тем более, что мы прилетели в конце дня и я выступаю уже вечером. И, может быть, пройдет не одно утро, пока мы хорошенько выясним это. Но мы не будем

сидеть сложа руки и ожидать рассвета, ожидать, куда будет склоняться стрелка международных отношений.

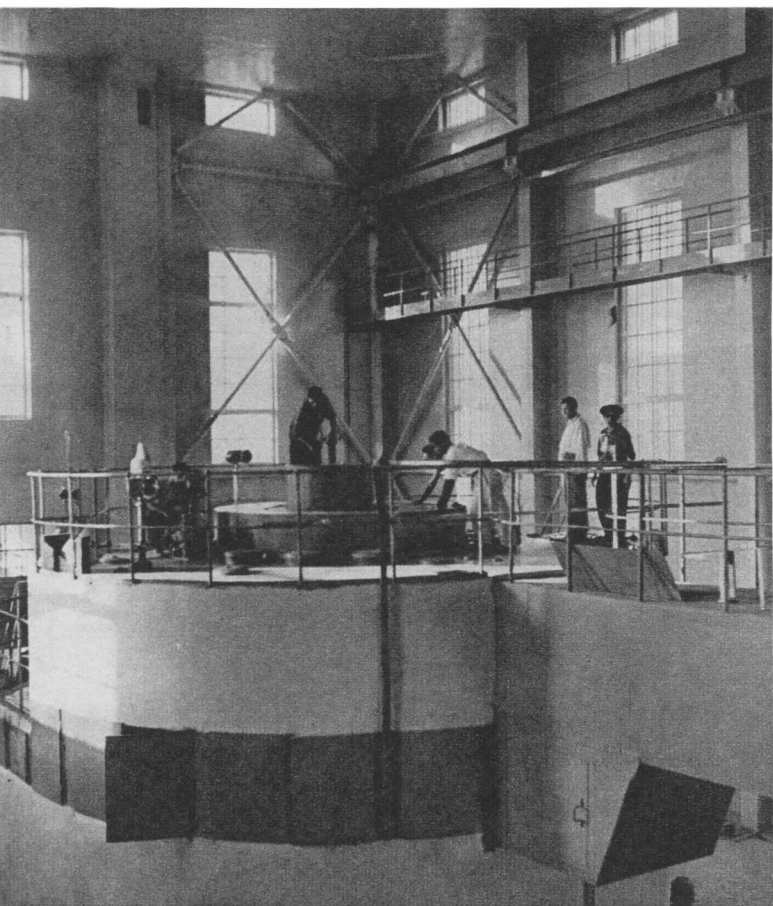
Но и со своей стороны будем делать все, чтобы стрелка барометра шла не на бурю и даже не

на переменную, а показывала бы на ясно».

Визит закончен неделю назад. Как говорят, это было уже вчера. Но о нем никогда не забудет человечество, ибо это вчера должно определять мирное завтра!

Советские гости беседуют со студентами университета штата Айова.

Идут последние приготовления к пуску реактора.

Фото Д. Ухтомского.

Атом служит миру

В этом городе все ново: и дома, и деревья, и только что посаженные цветы, и подбежавшая к нему лента шоссе. Старыми остались только виноградники, обступившие город со всех сторон. И люди в нем заживут так же, как в сотнях других городов нашей страны. Можно будет пообедать в столовой или купить в магазине, что хочешь, и сварить дома, взять книгу в библиотеке, поехать на стадион. Малыши пойдут в ясли и детские сады, а их старшие братья и сестры сядут за парты.

Разноязычная речь зазвучит в этом городе: узбекская и русская, таджикская и казахская, туркменская, киргизская...

Речь идет о научном городке Института ядерной физики Академии наук Узбекской республики, выросшем неподалеку от Ташкента, в селении Кибрай.

В жилой части городка нет ничего примечательного: дома со всеми удобствами, магазины, больницы, парки. Зато рабочая часть оснащена новейшей техникой: исследовательский ядерный реактор мощностью в две тысячи киловатт, циклотрон, генераторы быстрых нейтронов, мощная гамма-лучевая кобальтовая установка, радиохимический корпус, специально оборудованные лаборатории. Ученые не только Узбекистана, но и других республик Востока могут вести тут исследовательские работы в области нейтронной физики. Недаром этот городок науки называют в Ташкенте «Среднеазиатской Дубной». Уже сейчас в Институте ядерной физики Узбекистана обучаются аспиранты из Таджикистана и Киргизии.

В институте развернуты интереснейшие исследования по действию гамма-лучей на физические и физико-химические свойства твердых тел и жидкостей, на полупроводники и высокополимеры.

Много сделано и в области применения радиоактивных

изотопов в автоматизации и в сельском хозяйстве. В прошлом году в Женеве, на Второй Международной конференции по мирному использованию атомной энергии, все с интересом слушали доклад академика Академии наук Узбекистана У. А. Арифова о работах института с коконами тутового шелкопряда.

...1959-й. Год строительства городка науки, год пуска первого на Среднем Востоке ядерного реактора. Эта дата навечно высечена над входом в здание реактора. 10 сентября 1959 года ядерный реактор начал работать. Скоро вступят в действие циклотрон и ряд других установок.

— На нашем реакторе, — говорит старший инженер Хафиза Яхьяева, — будет налажено производство радиоактивных изотопов для научных-исследовательских организаций и медицинских учреждений. Теперь ученые всей Средней Азии получили возможность использовать и изучать короткоживущие радиоактивные изотопы, шире проводить исследования в области нейтронной физики.

Спустя несколько дней после пуска реактора мы связались по телефону с Ташкентом. Ответил директор Института ядерной физики Академии наук Узбекской ССР У. А. Арифов.

— Реактор работает нормально. Приступили и исследования, — сказал Убай Арифович. — В понедельник в Ташкенте открылась конференция по мирному использованию атомной энергии. На наше предложение собрать такую конференцию откликнулись ученые-атомники почти из всех республик Союза. Заслушан ряд интересных докладов, представленных исследователями Москвы и Сибири, Грузии и Украины, Латвии и Таджикистана. Идея у них одна: атом должен служить только миру.

В. БЕЛЕЦКАЯ

ОГНИ ТАШКЕНТА

Расул ГАМЗАТОВ

Недавно я был в Японии. Казалось бы, какие знакомые могут быть там у аварца, сына горного Дагестана!..

Но уже в аэропорту нас встречали друзья. Ко мне подошла японская женщина, участница Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки, и пригласила к себе. Мы сидели у нее дома и вспоминали Ташкент, те сердечные встречи, которые проходили год назад.

Куда бы мы ни поехали, везде Ташкент стал не только предметом воспоминаний и размышлений, но большим событием культурной жизни Азии и Африки. За работой конференции с интересом следили люди всего мира.

После ташкентской встречи прошел год, и я часто вспоминаю моих новых друзей, незабываемые дни, которые положили начало нашей дружбе, ибо, как говорят у нас в Дагестане, поэт поэту — кунак, друг. О многих впечатлениях, которые участники конференции получили во время своих поездок по Советской стране, я узнал еще год назад. Эти впечатления они понесли по всему миру. Я внимательно следил за их работой после конференции, читал их выступления.

Вот что пишет писатель Абу из Нигерии: «Ташкентская конференция знаменует новую эру в возрождении и обновлении лучших достижений народов двух континентов в литературе и культуре».

Писатель Аль-Азхари из Сомали говорит, что конференция в Ташкенте была «значительным и беспрецедентным историческим событием: литераторы двух великих континентов, Азии и Африки, собрались под одной крышей... Все мы уверены, что дух Ташкентского воззвания победит, что писатели Азии, Африки и всего мира продолжат борьбу против реакции и империализма, переживающего свою агонию».

Сунити Кумар Чаттерджи, индийский писатель, видит значение конференции не только в том, что она позволила ее участникам, представителям разных стран мира, близко узнать друг друга. Ташкентские встречи, по мнению писателя, «имеют громадное значение для всего человечества: африканские народы, особенно народы Черной Африки, составляющие почти 100 миллионов наших братьев и сестер, до сих пор представляли собой отверженное дитя в человеческой семье, на долю которого оставалась варварская эксплуатация со стороны империалистических держав Западной Европы. Но мы с радостью видим, как поднимается Африка, как Азия протягивает Африке руку дружбы и братства».

Нельзя забыть тот день в Ташкенте, когда мы отмечали день рождения Сесиль Мак-Харди, поэтессы из Ганы. Тот день превратился в праздник. Индийский поэт пел песни, армянская поэтесса Сильва Капутикян преподнесла имениннице подарки, узбекские писатели преподнесли ей большой букет цветов. Я помню стихи Эффуа Теодоро Сатерланд и то огромное впечатление, которое произвели на нас ее стихи в подстрочном переводе, сделанном там же:

Ты говоришь, дай мне руки.
Зачем тебе мои руки,

Они все черные, и я вся черная...
И мои глаза, как два пруда.
Не нужны тебе мои руки...

После этих стихов мы целовали черные руки поэтессы. Я часто спрашиваю, где она сейчас и что пишет ее руки.

Ташкентская конференция оставила неизгладимое впечатление. Участники ее совершили поездку по Советской стране; они присутствовали на юбилее Рудики в Сталинабаде, они были в Тбилиси и Ереване, в школах, колхозах, институтах и университетах. Перед гостями были открыты все двери и все сердца советских людей. В Кремлевском дворце делегаты конференции были приняты руководителями партии и Советского правительства.

В языки всех народов вошли два слова — «дух Ташкента», что означает дух дружбы, поэзии, мира и взаимного уважения.

В Ташкенте мы познакомимся со многими писателями Азии и Африки. Я очень жалею, что не могу лично узнать всех писателей двух континентов. Но я знаю, что их идеал — мир на земле. У каждого писателя есть своя армия, составленная из читателей. Пусть эти армии служат делу мира. «Наше время может и должно стать временем осуществления великих идеалов, временем мира и прогресса», — сказал Н. С. Хрущев после возвращения из Соединенных Штатов Америки.

Впереди новые встречи, новые конференции. Пусть торжествует теплота ташкентских встреч! Пусть наши сердца горят так же, как горели в Ташкенте огни, освещающие красивые осенние цветы Узбекистана!

Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами» вручена 29 сентября в Кремле члену Бюро Всемирного Совета Мира английскому публицисту Айвору Монтегю.

На снимке: академик Д. В. Скобельцын и Айвор Монтегю.

Фото Я. Славина.

К. П. Брюллов (1799—1852). ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ. 1833.

«Огонек».

С. ф. Щедрин (1791—1830). НЕАПОЛЬ В ЛУННУЮ НОЧЬ. 1829.

ОНИ ПРОСЯТ

принять их

В ПАРТИЮ

Гельмут ПРЕЙСЛЕР

Гельмут Прейслер — немецкий поэт. Ему 34 года, но за плечами у него большая и сложная жизнь, которая, впрочем, уместается в несколько строк его автобиографии: «Сын ткача, солдат, военнопленный, сельский учитель, студент Литературного института, писатель». Судьба Прейслера очень похожа на судьбу многих его сверстников в Германской Демократической Республике, которым народная власть помогла встать на ноги и найти свое место в жизни. Литературное признание Прейслеру принесла его первая поэма, «Голоса мертвых», — посмертные «рассказы» людей, загубленных фашизмом.

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

ПИАНИСТ ВИЛЬГЕЛЬМ КРАУТЦ

(Год рождения 1912. До 1945 года — вначале пианист, затем солдат; родители — художники).

Вот почему я решил подать заявление в партию: сосед мой, дамский портной, весьма предприимчивый

частник,

встречает меня на лестнице почтительнейшей улыбкой, поскольку я беспартийный и, стало быть, «свой человек».

Интеллигентские циники дивятся моей «стойкости», обыватели шепчут: «Это умная голова!..»

Я не хочу, чтобы дольше враги меня обижали своей фамильярной доверчивостью!

Я не хочу, чтоб друзья были со мной учтивы и сдержанно-холодны.

Пусть все наконец узнают, с кем я и за кого!

ЮРИСТ ВЕРА БРЕННЕР

(Год рождения 1935. Родители — неизвестные антифашисты).

Я выросла в детском приюте. Родителей не помню, но знаю, кто их убил: их расстреляли фашисты... У меня никого не осталось, кроме вас, мои братья по классу. Примите меня к себе...

ТРАКТОРИСТ ГЕОРГ ПЕРКО

(Год рождения 1939. Родители — крестьяне).

Я родился в тридцать девятом, в год, когда началась война.

Сейчас перед нами новая работа Гельмута Прейслера. Это тоже своеобразные исповеди, но принадлежат они живым людям, активным строителям социализма, которые решили связать свою судьбу с Социалистической единой партией Германии. Для всех этих непохожих друг на друга людей СЕПГ — родная партия потому, что она борется за осуществление самых заветных чаяний народа: за мир, за счастливую жизнь, за нового человека. Вот почему так откровенны и правдивы исповеди этих людей, которые они излагают в своих заявлениях в партию и которые поэт Гельмут Прейслер воспроизводит в своей новой поэме.

Прежде, чем я умру, войны должны прекратиться, навеки покинуть землю.

Вам известно, что надо делать. Я хочу учиться у вас...

ВОДИТЕЛЬ ГРУЗОВИКА АДОЛЬФ БРАНДИС

(Год рождения 1922. До 1945 года — солдат; родители — служащие).

Комиссар Красной Армии, у которого немцы под Тулой расстреляли детей и жену, в тот день, когда там же, под Тулой, попал я в советский плен, сказал мне: — Геноссе!.. Товарищ!..

Позвольте мне стать товарищем.

РАБОТНИЦА АННА ПАЛЕНЦ

(Год рождения 1914. До 1945 года — домашняя хозяйка; родители — рабочие).

Я вдова. У меня есть сын.

Муж погиб на войне под Москвою, сын мечтает учиться в Москве.

Дрался муж против правого дела, за которое борется сын. Мне хотелось бы стать рядом с сыном. Я пришла поэтому к вам...

РАБОЧИЙ ЭРНСТ БАЛЬЦЕР

(Год рождения 1918. До 1945 года — рабочий; родители — рабочие).

Когда я был в возрасте нашего младшего сына, школой была мне улица,

одеждой — отцовский пиджак. А нынче купили мы Юргену новый костюм да ботинки и каждое утро отводим его в заводской детсад.

Когда же достиг я возраста нашего старшего сына, я слонялся, ища работу. А мой Вальтер будет врачом.

Когда моему отцу было столько же лет, сколько мне, он работал на том же заводе, он стоял за тем же станком, был не хуже меня и не лучше, но жилось ему хуже, чем мне.

Я прошу принять меня в партию. Я хочу, чтобы всюду на свете люди жили так же, как мы...

ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА АГНЕССА ФОГТ

(Год рождения 1907. До 1945 года — продавщица и домашняя хозяйка. Родители — служащие).

Мне трудно себе представить, что делалось в Хирсиме, когда на этот город обрушился атомный шквал.

Но как уничтожили Дрезден в феврале сорок пятого года, я своими глазами видела, а рассказать не могу.

Пусть дети об этом не знают, пусть забыть постараются взрослые.

...Пора запретить истребление! Я хочу вам помочь в борьбе...

БРИГАДИР КУРТ ЛЕМАН

(Год рождения 1921. До 1945 года — каменщик, затем солдат; родители — ремесленники).

Я не думал о социализме, когда перевыполнил норму. Ни о чем вообще я не думал, когда ставил свои рекорды, о которых шумели весь год. Мне хотелось забыть о прошлом — вот и все, что меня тревожило. А потом... Потом началось...

Обо мне писали газеты, мне вручили почетную грамоту, говорили везде, что я хорошо тружусь для народа. Нет! Я думал лишь о себе.

И когда на доску почета вдруг попала моя фотография (среди «снижающих себестоимость» улыбался и мой портрет),

мне вдруг сделалось очень стыдно:

«Как ты смел принять эти почести, если только о собственном благе ты заботился, себялюб!»

Так я многое передумал. Так я начал бороться с собою. Вы должны мне в этом поверить и должны мне еще помочь.

Перевел с немецкого Лев ГИНЗБУРГ.

Корзина с подарками

Рассказ
Стефан ГЕЙМ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Поезд остановился. Жестяной голос громкоговорителя сообщил, что это последняя станция республики и пассажиров просят не покидать своих мест. Через минуту дверь в купе, лязгнув, открылась, и вошел пограничник. Следовавший за ним таможенный чиновник мельком оглядел двух пассажиров: старика и молодого. Потом перевел глаза на багажную сетку.

— Что это у вас? — спросил он, показывая на громоздкую вещь, завернутую в полотно и аккуратно увязанную прочной бечевкой.

— Корзина. А в ней подарки, — ответил молодой пассажир. В голосе его слышалось легкое раздражение.

— Великовато для корзины с подарками, — усомнился таможенный.

— Везем много подарков, — сказал молодой.

— Позвольте взглянуть на ваши подарки?

Пожилой пассажир полез в нагрудный карман, достал конверт и протянул пограничнику. Тот развернул бумаги и неторопливо принялся читать. Потом он сказал своему товарищу:

— Это делегация. Багаж принадлежит ей.

— Делегация? — удивился таможенный.

— Рабочая делегация, — подтвердил первый.

— И они едут... туда?

— Да, туда.

— Тогда все в порядке, — заключил таможенный. — Счастливого пути!

— Счастливого пути, — как эхо отозвался пограничник, возвращая старику бумаги и отдавая честь.

Дверь купе захлопнулась. Старик водрузил на нос очки и снова углубился в газету. Молодой опустил окно и выглянул наружу. Паровоз выпустил облако белого пара, дал последний гудок, и поезд неслышно стал пересекать невидимую линию, делившую страну надвое.

Молодой вернулся на место.

— Товарищ Шольц! — позвал он.

Старик молча кивнул.

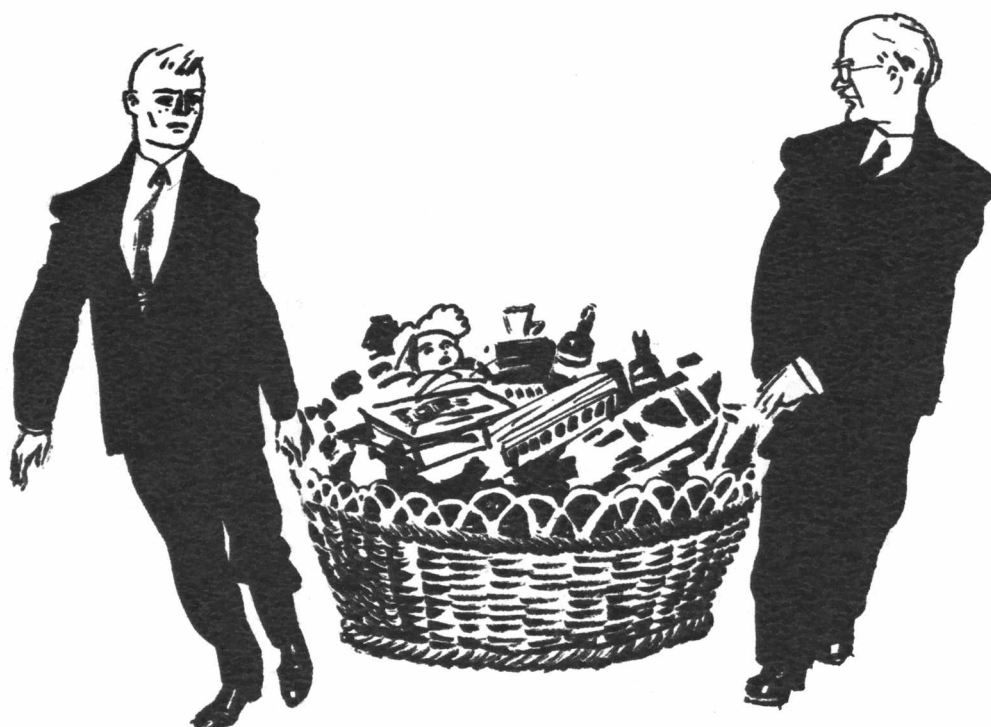
— Вы ведь не станете показывать наши бумаги... там?

— Не знаю, — ответил старик, не поднимая глаз. — Едва ли они там произведут впечатление.

— Тогда придется раскрыть корзину?

Старик пожал плечами.

Молодой человек посмотрел с некоторым сомнением на корзину с подарками. Ее объем был необычным, содержимое тоже. Там были не только торты, конфеты, фрукты, бутылки с винами и прочие доказательства того, что отправители подарков отнюдь не находятся на грани голода. В корзину были уложены еще и игрушки, подобранные очень заботливо:

трактор, к которому прицеплялся миниатюрный плуг или такая же борона; экскаватор с автоматически поднимающимся и опускающимся ковшом; куклы, для которых платица специально шили девушки с швейной фабрики «Новая жизнь». Но гвоздем всей коллекции был железнодорожный спальный вагон-люкс. Это была копия настоящего вагона: каждое сиденье превращалось в постель, на сетках покоились полные комплекты крохотных одеял, простынь и наволочек. Вагон стоял на двух стальных рельсах, проложенных по полированной доске красного дерева, а к доске была приколочена бронзовая дощечка с надписью: «Рабочие вагоностроительного завода «Карл Маркс» — своим молодым товарищам из западногерманских профсоюзов».

Молодой пассажир задумался: как еще все обойдется с пограничниками там, по ту сторону?

— Товарищ Шольц? — вопросительно произнес он.

Шольц посмотрел на него поверх очков. Молодой неопределенно показывал пальцем вперед, по ходу поезда.

— Бывали вы когда-нибудь там?

— Много раз.

Молодой подумал: хорошо товарищу Шольцу говорить, он помнит еще времена, когда «там» и «здесь» означало только расстояние, которое легко и просто преодолеть! Вот он снова спокойно берется за свою газету.

— А как там... вообще? — поспешно спросил молодой. — Я ведь впервые еду... В Западный Берлин приходилось заглядывать, но в Западную Германию...

Ему было не по себе. Почему именно его выбрали в эту поездку? Когда на собрании вдруг назвали его имя, у него ослабли колени, казалось, он свалится с ног от одного тычка мизинцем. «Альфред Краковяк!» — крикнул кто-то с места. — Почему бы нам не

послать Альфреда Краковяка делегатом?» «Слишком молод!» — отозвался другой голос. Первый голос на это возразил, что надо хоть одного послать помоложе тридцати: ведь конференция-то молодежная, а товарищ Краковяк хорошо показал себя на работе и посещал занятия в отряде заводской милиции.

Они забыли одно: спросить его самого, хочет ли он ехать. И проголосовали единодушно.

А потом колесо завертелось: разрешение на выезд, документы, билеты и этот разговор с секретарем, который втолковывал ему, как себя вести, что делать и чего не делать. Секретарь в заключение спросил: есть ли вопросы? Вопросов у него не было. Вернее, вопросы были, но он не знал, как их выразить...

— Ты спрашиваешь, как все там выглядит? — медленно заговорил старый Шольц, откладывая газету. — А почему тебе не подождать немного и не увидеть все собственными глазами?

— Я хочу сказать, — пробормотал Краковяк, — что люди говорят про Запад всякое...

Старик снял очки.

— Это, видишь ли, зависит...

— Зависит от чего?

— От того, какие люди говорят и с какой целью.

Шольц замолчал. Он всегда был немногословен. Это теперь раздражало Альфреда. Правда, старик умел говорить, словно читал по книге, когда речь шла о предмете, интересном для него лично. Но Запад, видно, не очень-то его интересовал.

— Насчет автомашин, например, — смутно проговорил Краковяк. Он знал, что на Западе больше автомобилей, чем на Востоке, пусть старик попробует отрицать это. — У меня есть там один приятель, — продолжал он. — Так вот, он пишет, что купил себе машину. А он обыкновенный сварщик...

Краковяк умолчал о том, что письмо приятеля лежит у него в боковом кармане пиджака. Письмо было безобидное, в нем просто рассказывалось о жизни в Федеративной республике, об условиях работы.

Но товарищ Шольц, видно, не понял, чего от него добивается Краковяк.

— Какая уж там машина! Фольксваген, должно быть, — сказал он неопределенно.

Они помолчали.

— Значит, у тебя есть там друзья? — осведомился старик.

— Да, есть! — вспыхнул Краковяк, уже жалея, что завел этот разговор. — Что же, это плохо?

— Нет, почему же. Страна-то одна. Зависит, какие они, эти друзья.

— Мой приятель — хороший малый.

Да, Боссе — хороший парень, в этом нет сомнения. Их станки стояли рядом в цеху, они работали в одной смене. Потом Боссе уехал на Запад.

— Времена изменились, — философски заметил старик. — Раньше, бывало, хозяин прельщал рабочего человека какой-нибудь сигарой, а теперь — фольксвагеном...

— А вам разве не хочется иметь собственную машину?

— Почему же? Каждому хочется. Я бы тоже не прочь усадить свою старуху в собственную машину и отвезти ее к морю или в горы...

— Вот видите! — воскликнул торжествующе Краковяк.

— Но тут тоже все зависит... от того, каким образом у меня окажется машина, кто мне ее даст и за что.

— У вас все на свете от чего-то «зависит»! — Краковяк сердито поглядел в окно на реку, которую они переезжали.

Нет, вся эта поездка началась как-то неладно! Альфред не знал, в чем тут дело: в старике ли, или в письме Боссе, или в неясном чувстве беспокойства, которое охватывало его все сильнее.

Когда поезд снова замедлил ход и остановился, беспокойство уступило место любопытству. Краковяк поразило бесчисленное множество вывесок и реклам — они начинались на платформе и растекались дальше, по стенам домов, по улицам. Оживление, свет, сутолока. Все вокруг словно кричало в уши: вот, смотрите, мы здесь, мы всюду! Мы кишим, как муравейник! Так было, и так будет отныне и вовеки веков, аминь!..

— Добрый вечер, май не геррен!

В этом возгласе соединялись приветливость и деловитость. На лицах вошедших сияла улыбка.

Пограничник взял документы. Таможенник разглядывал упакованную корзину.

— Что у вас в багаже? — спросил он.

— Подарки, — ответил Краковяк.

— Подарки? — переспросил таможенник.

Пограничник листал свою записную книжку, вынутую из военной сумки. Потом он нашел то, что нужно, и сделал карандашом какие-то пометки.

Таможенник стоял молча и ждал.

— Все в порядке, — сказал пограничник.

— Все в порядке, май не геррен, — повторил таможенник. — Желаю приятно провести у нас время.

— Доброй ночи, — заключил пограничник и добавил: — Желаю всяческого удовольствия.

Краковяк беспокойно ворочался на кровати. Улица, куда выходили окна отеля, была похожа на ущелье. Каждый звук уличного движения отдавался в комнате. Проносящиеся машины посылали вверх шипящее «у-у-ш-ш-ш». Хриплый женский голос уже целый час повторял что-то вроде «квак-квак». Это становилось невыносимым. Наконец Краковяк понял, что это какая-то старуха выкрикивает название местной утренней газеты «Таг-блатт». Но пока разгадывалась эта загадка, сон окончательно ушел. Оставалось одно: смотреть, как пробегают по потолку отсветы неоновой рекламы, похожие на скрюченные пальцы, — зеленый, лиловый, желтый, и снова в том же надоедливом порядке.

Он вздохнул и повернулся на бок. На второй кровати смутно вырисовывалась неподвижная фигура. А еще говорят, что старики спят мало и чутко! Товарищ Шольц заснул, как каменный, в ту же минуту, как голова его коснулась подушки. Черт возьми, подумал Альфред, старик и не подумал взять две отдельные комнаты! Конечно, жизнь отнюдь не баловала Краковяка: он вырос в большой семье, спали по четверо в комнате, в сохранившейся части старого каменного дома, фасад которого был начисто срезан бомбежкой. Но теперь он на Западе, в современном отеле со всеми удобствами. Он член делегации. Альфред вспомнил раздражение, которое охватило его, когда товарищ Шольц объявил, что отель переполнен и что скромная сумма в западной валюте, которой их снабдили, дает им право только на общий небольшой номер. Вот только не храпит ли товарищ Краковяк во сне, осведомился товарищ Шольц. Он так и не решился спросить у старика, сколько же у них

денег и не поискать ли другую гостиницу. А может быть, Шольц устроил так нарочно, чтобы присматривать за ним? Из-за письма Боссе? Или, может быть, потому, что еще дома старику посоветовали не спускаться с него глаз?.. А что, если в самом деле старик получил такое указание? Значит, ему, Альфреду Краковяку, не доверяют? Тогда почему же его послали на Запад?

Старику явно что-то не нравится в нем. Какая была физиономия у товарища Шольца, когда Альфред сказал ему, что собирается в гости к Боссе!

— Когда ты успел сговориться с ним? — удивился этот старый гусак.

— Пока вы регистрировали наши документы у портье, я позвонил приятелю, вот и все! — так ответил ему Краковяк, ответил с независимой улыбкой.

А Боссе — тот сразу узнал по телефону его голос. «Господи боже, Альфред, парень!» — воскликнул он. — Я и не думал, что ты так скоро выберешься сюда. Вот так приятная новость! Да еще делегатом — все расходы, небось, оплачены — ха-ха-ха! Вещи и инструменты прихватил? Нет? Почему же? Ну, ладно, это обойдется! Ты приехал в самый раз... Знаешь что: у меня сегодня свободный вечер, сейчас мы заедем за тобой в отель. В собственной машине, конечно, конечно! Я и моя девушка! Машина и девушка — это здесь первое дело! Она прихватит с собой сестру. Сестру зовут Анна-Мария, горяченькая, прямо со сковородки! Господи боже, Альфред, парень!..»

Краковяк поехал и повернулся на другой бок. Разумеется, он ничего не сказал Боссе о старике. Товарищу Шольцу нечего лезть в его личные дела. И не станет он таскать с собой повсюду эту старую рухлядь... Но почему же, когда он вернулся поздно вечером от Боссе, он так обрадовался, увидев товарища Шольца здесь, на месте?

Краковяк снова и снова вслушивался в шелестящее «у-у-ш-ш-ш» проезжающих машин. Где-то отозвонили башенные часы. Он хотел было, когда они укладывались, рассказать старику о вечере, проведенном с Боссе в ресторане, поделиться сомнениями, которые, словно камни, ворочались у него где-то в глубине живота. Но старик молчал, как в рот воды набрал, медленно разделся, напялил старомодную ночную рубашку, из-под которой, как спички, торчали его костлявые ноги, и улегся спать.

Боссе был прав насчет Анны-Марии. Краковяк почесал грудь и сбросил одеяло. «Горяченькая, прямо со сковородки!» Может быть, она вовсе и не сестра подружки Боссе — никакого сходства! Девушка Боссе тоненькая, светловолосая, хрупкая, а Анна-Мария кругленькая, брови у нее черные, густо наведенные, губы яркие, красные, прямо хочется укусь. Они ехали с ней вдвоем на заднем сиденье старенького фольксвагена Боссе, сиденье было узкое, он чувствовал ее мягкое бедро. Альфреду показалось, что она жмет к нему нарочно, он попробовал обнять ее, но она его оттолкнула и сказала: «Вы что это себе воображаете?» А в ресторане она смотрела на него, задрав нос, как на бедного родственника. Ну, конечно, он и есть бедный родственник! Там, дома, его пиджак и галстук

были последним криком моды, а здесь... Потом Анна-Мария все-таки снизошла до него, спросила, какова там жизнь, откуда он приехал. Он принялся рассказывать, но через минуту — другую осекся и замолчал. Жизнь его показалась ему самому серой, будничной.

— Не вешай нос, Альфред, парень! — смеялся Боссе. — У меня поначалу было так же. Неделя — другая — и ты войдешь во вкус!

— Я сюда всего на несколько дней! — пробормотал он.

— Это все равно, как выйти из тюрьмы! — крикнул Боссе, словно не расслышав. — Придется привыкать к жизни на воле.

Альфреду хотелось возражать, что-то доказывать. Боссе слишком много берет на себя. Он рассуждает так, словно между ними уже есть какой-то сговор. А никакого сговора нет, только смутно что-то шевелится в душе. Или Боссе думает, что раз представился случай, так Альфред непременно побежит по той же дорожке, что и он?..

Все запуталось. Ни на что нет ясного ответа. Лучше думать об Анне-Марии! Когда они стали танцевать, его скованность вдруг прорвалось, как паутину при сильном ветре. А для нее, как только музыка овладела ею, словно перестало существовать все окружающее. Она раскачивалась, притопывала каблукками, изгибалась, то вдруг расплываясь, как туман, то снова возникая в поле его зрения. Она, должно быть, забыла о нем, и он двигался, как каменный, в своем неуклюжем костюме. Вдруг на мгновение она тесно прильнула к нему, он ощутил ее всю, каждую частичку ее тела, и ему показалось, что это уже было раньше, давно, всегда...

Они вернулись в бар. Боссе громко и одобрительно хохотал, хлопал его по плечу. Он приказал бармену наполнить все стаканы.

— Ну, парень, у тебя быстро все идет на лад! — воскликнул он, протягивая бармену новый банкнот. У него, должно быть, их было вдоволь.

...Альфред Краковяк приподнялся на локте и заматал головой, стремясь прогнать тупую боль где-то позади глаз. Красные, лиловые и желтые пальцы прекратили свою пляску на потолке, даже здесь, видно, наступал час, когда реклама переставала себя окупать. Старик что-то бормотал во сне.

«Анна-Мария!» — думал Краковяк. Он ожидал, что она пригласит его к себе. Да, он все время думал об этом. Не потому, что она была из «тех» девушек, нет, она не такая. Но это был Запад. Здесь все течет быстрее, чем на Востоке, проще, легче. Когда, выйдя из ресторана, они усаживались в машину, Боссе сказал:

— Ну, что ж, теперь заедем за твоим чемоданом.

— За чемоданом? Почему?

— Но не собираешься же ты еще возиться с этой рухлядью, с подарками, которые привез? Парень, Альфред! Все к твоим услугам здесь — и работа и...

Бедро Анны-Марии опять было плотно прижато к его колену. И уже не было никаких вопросов — для него уготовано здесь все, все! Он крепко сжал ее руку. Она не сопротивлялась.

— Не торопи меня так, — попросил он Боссе. — Дай время подумать.

— Время, время! — недовольно проворчал Боссе. — О чем тут еще раздумывать?

— По-твоему, раз ты сам сделал это, так и я должен тоже? — обиженно сказал Альфред.

Боссе, обнимавший одной рукой свою хрупкую блондинку, вдруг выпрямился.

— Нечего сказать, хороша благодарность! Если ты думаешь, что в тебе тут очень нуждаются...

— Я только потому, что не знаю, как быть с подарками, — потерянно сказал Краковяк.

Анна-Мария убрала руку.

— Нам, видишь ли, надо передать завтра подарки конференции... — Альфреду казалось, что его не понимают, что надо что-то объяснить, как-то оправдаться. Он стал рассказывать о содержимом корзины. — Все это собирали многие люди... Я не говорю о фруктах, шоколаде и вине — у вас тут этого добра много... Но там есть еще такой славный игрушечный кран, и трактор с плугом, и куклы в специально сшитых платьях, и вагон-люкс с полным оборудованием...

— Короче говоря? — отрезал Боссе.

— Что короче говоря?

— Послушай, Альфред, парень! — Тон Боссе снова стал сердечным. — Неужели ты думаешь, что кто-нибудь здесь даст хоть грош за весь этот мусор?

Боссе дал газ, и фольксваген рванул вперед, шины злобно визжали по асфальту. Краковяк почувствовал, как Анну-Марию швырнуло к нему. Не помня себя, он крепко обнял ее. И все-таки в глубине сознания продолжала стучать мысль: почему так торопит Боссе, почему это должно совершиться теперь, на ночь глядя?

Они подъехали к отелю. В вестибюле дожидался, выглядывая из-за газеты, товарищ Шольц.

— Ну, шевелись! — командовал Боссе. — Тащи же свой чемодан! Чего ты боишься? Никто не может помешать тебе. Ты на Западе. Товарищ Шольц пристально посмотрел на Краковяка.

— Хорошо повеселился? — Старик оглядел девушек, усмехнулся про себя, потом увидел Боссе. Лицо его потемнело. — Это и есть твой приятель?..

Краковяк застонал и заметался на кровати. Самое худшее было то, что все так и осталось недосказанным, словно повисло в воздухе.

— Приятель? Да, я водил знакомство с Боссе там, дома, — так, помнится, ответил он, глядя прямо в лицо старику.

— Ну, так как же, Альфред? — напирал Боссе, не обращая никакого внимания на товарища Шольца.

Анна-Мария ждала, держа перед собой вынутую из сумочки зеркальце. Кончиками пальцев она приглаживала брови. Краковяк молчал.

— Ладно, увидимся завтра, — сказал наконец Боссе. — Смотри же, я заеду прямо сюда, в отель...

Это выглядело как угроза, вспоминал Краковяк, уставившись в потемневший потолок. Но все тогда потонуло в улыбке Анны-Марии. В этой улыбке было и обещание и сожаление, но еще больше нескрываемого любопытства.

Во время завтрака к ним явился товарищ Вонниг.

Он был высокого роста, богатырского сложения. В петлице у него сверкал черно-красно-золотой жетон комитета по устройству молодежной конференции. Он оглядел столовую, потом глаза его остановились на двух приезжих с Востока. Его лицо осветилось улыбкой, и он направился прямо к их столу.

— Товарищ Шольц? — спросил он.

Старик молча кивнул.

— Товарищ Краковяк?

Альфред бросил очищать яйцо и поднялся со стула.

Товарищ Вонниг представился и протянул обоим по очереди огромную ручищу. Он объяснил, что поспешил сюда, как только узнал, что прибыла делегация восточногерманских товарищей. Он счастлив ее приветствовать от имени исполнительного комитета. Хорошо ли они доехали? И удобно ли им в отеле?

Альфред Краковяк был подавлен предста-

вительной внешностью товарища Воннига и человеческой теплотой, звучавшей в его словах. Там, дома, секретарь предупреждал, что кое-кто на Западе будет, возможно, чинить им препятствия и поэтому потребуются терпение, добрая воля и немножко дипломатии. И вдруг — эта открытая улыбка, эта братская сердечность...

— Прежде всего, — сказал товарищ Шольц, запуская руку в нагрудный карман, — вам, вероятно, интересно будет ознакомиться с нашими полномочиями?

Все уселись. Товарищ Вонниг принялся просматривать их бумаги. Но он делал это без всякого интереса. Видимо, он уже был предупрежден.

— Во-вторых, — продолжал товарищ Шольц, — нам хотелось бы встретиться с несколькими из ваших молодых рабочих. В той обстановке, которая существует в нашей стране, нет ничего более полезного, чем личные контакты.

— Личные контакты... — Эти слова, казалось, пришлись не по вкусу товарищу Воннигу. Его глаза, неожиданно маленькие на широком лице, сощурились. После некоторого молчания он сказал, что товарищ Краковяк, насколько ему известно, уже накануне завязал — и не без успеха — некоторые личные контакты...

Альфред Краковяк почувствовал, как у него запылали уши. За этой как бы отеческой снисходительностью к увлечениям молодости скрывался некий намек. Какие-то нити вдруг протянулись от Боссе с его угрозой к товарищу Воннигу. И сам товарищ Вонниг вдруг показался не таким уж добродушным, простецким малым, как в первую минуту. Он выглядел теперь чьим-то вестником, явившимся неизвестно откуда. Он как бы давал понять Альфреду Краковяку, что тот уже увяз в чем-то и не так-то легко будет ему отказаться играть чью-то чужую игру.

— В-третьих, — невозмутимо заключил товарищ Шольц, — мы просили бы сказать нам, в каком именно пункте повестки дня нам будет позволено передать приветствие и подарки.

— М-да, — замаялся товарищ Вонниг. — Боюсь, что это может вызвать некоторые осложнения.

— Мы не собираемся произносить длинных речей. — Товарищ Шольц отставил чашку и принялся намазывать маслом ломтик хлеба. — Несколько слов и вручение подарков. Все займет пять — шесть минут.

Легкая усмешка промелькнула в глазах товарища Воннига. Потом лицо его окаменело, и он сказал:

— На мой взгляд, трудность не в количестве времени, которое вам потребуется. Дело в сохранении гармонии. Исполнительный комитет желает, чтобы конференция протекала гармонично. Ввиду своего восточного происхождения ваша корзина содержит не только шоколад, вино, трактор с прицепом, игрушечный кран и спальный вагон со всеми подробностями...

Товарищ Шольц пристально поглядел на Альфреда Краковяка. У того уши уже больше не горели, они приобрели мертвенно-бледный оттенок. Кто рассказал Воннигу о содержимом корзины? Боссе? Анна-Мария?

— Ваша корзина содержит также семена раздора, — широко улыбаясь, закончил Вонниг.

Товарищ Шольц встретил эти слова такой же любезной улыбкой. Он хорошо знал людей этого типа.

— Я и товарищ Краковяк уполномочены передать делегатам вашей конференции приветствия и подарки, — сказал он сухо.

— Не поймите меня превратно, — начал Вонниг после новой паузы. — Я целиком за это. Отчего же не принять эти вещи, особенно если их преподносят бесплатно? Но вот товарищ Краковяк... Он имел уже случай беседовать с несколькими нашими молодыми людьми, не правда ли?

Краковяк молчал.

— И он знает, — невозмутимо продолжал товарищ Вонниг, — как относятся наши молодые люди ко всему, что приходит с Востока, и к людям, которые являются оттуда. Разве не так, товарищ Краковяк?

Краковяк все еще не произносил ни слова. Он чувствовал на себе изучающий взгляд старика и только переступил с ноги на ногу и проглотил слюну.

— Я уверен, — продолжал Вонниг, — что товарищ Краковяк согласится, если я скажу: нам надо урегулировать вопрос мирным путем. Скажем, вы передадите подарки в бюро конференции, которое находится в том же здании. А приветствие изложите на листочке бумаги, и мы рады будем от вас его принять. Как вы думаете, товарищ Краковяк?

Краковяк почувствовал, что пришло время сказать что-нибудь. Эти двое одинаково ждут от него ответа. Он страстно желал, чтобы прекратилось это проклятое томительное ощущение в глубине живота. Он хотел бы, чтобы встреча с этой девушкой была сном, а не явью. И чтобы он никогда не соглашался быть делегатом. И чтобы вообще он никогда не родился на свет божий!

— Я не знаю, — промямлил он. — Люди говорят всякое... И в конце концов не знаешь, кому верить...

Он поднял глаза. Мощные лапы товарища Воннига превращали изящную чайную ложечку из отельного сервиза в прихотливую завитушку. Товарищ Шольц поглаживал костистый подбородок, словно вдумываясь в какую-то подспудную истину, содержащуюся в словах его молодого спутника. Ибо как ни жалко звучали эти слова, они все-таки были правдой, хотя и самой незначительной при создавшихся обстоятельствах.

— Может быть... — заговорил снова Альфред Краковяк, — мы могли бы еще раз посоветоваться с товарищем Шольцем, и тогда...

— И тогда вы известите нас? — закончил товарищ Вонниг. — Мы не любим неожиданностей, — добавил он. — Это не в интересах гармонии на нашей конференции.

Он никогда не думал, что корзина так тяжела. Она словно стала еще тяжелее с той минуты, как они привезли ее сюда в такси, и в ней все прибывало веса с каждой ступенькой лестницы, по которой они поднимались.

А ступеням этим, широким, как ступени собора, казалось, не будет конца. По обе стороны лестничного марша стояли люди, молодые и пожилые, они вытягивали шеи и разглядывали странную ношу, которую с трудом тащили эти два человека. Но теперь содержимое корзины было на виду. Товарищ Шольц заранее вспорол полотняный мешок — и теперь подарки прикрывал только прозрачный слой целлофана. Отовсюду неслись удивленные восклицания, вопросы, шепот. Оба шли, как сквозь строй, и если бы земля разверзлась и поглотила товарища Краковяка, он не стал бы возражать. Но под ногами была прочная лестница из поддельного белого мрамора, и в ней — ни малейшей трещины... А тут еще товарищу Шольцу пришлось в голову остановиться, чтобы сменить руку, державшую край корзины. Свободной рукой он достал платок и принялся вытирать вспотевший лоб.

— Погляди-ка! — сказал кто-то, уткнувшись носом в целлофан. — Тут дощечка с надписью: подарки нам, от рабочих с Востока!

— Пропаганда! — проворчал другой.

— Откуда вы? — спросил третий. — У меня там брат в... — Он назвал мелкий городок в Мекленбурге. — Сколько уже времени нет от него вестей!

— А это настоящий шоколад?

— Товарищи, у вас и вправду делают все это?

Голоса сливались в возбужденный гул. И вдруг:

— Эге, здорово, Альфред, парень!

Это был Боссе. В выражении его лица было что-то такое, от чего у Краковяка сразу пересохло во рту. Альфред выругал про себя Шольца скверными словами. Все это величайшая глупость, от начала до конца! Им ведь было сказано: нести подарки в комнату бюро, этажом ниже. Они нарушают порядок. Это не их конференция, здесь командуют товарищ Вонниг и его друзья, они хотят, чтобы все было гармонично. Но товарищу Шольцу на это наплевать! Когда товарищ Вонниг ушел, он только подмигнул ему вслед. Говоришь ему: разумно ли будет ввалиться на конференцию с корзиной? Не лучше ли придумать что-либо другое? А старик хотя бы слово в ответ! Говоришь ему: ведь там, дома, не знали, какие здесь существуют правила.

И разве сам секретарь не советовал: побольше доброй воли, а если потребуются, то и дипломатии? Какая же это дипломатия — делать все наперекор товарищу Воннигу, который пришел приветствовать их и хотел все уладить по-хорошему?

Альфред Краковяк не помнил, говорил ли он все это товарищу Шольцу или только думал про себя, когда товарищ Шольц нацеплял на грудь свои медали за ударный труд, за борьбу с фашизмом и за прочие заслуги. Но Краковяк понял одно: товарища Шольца не остановишь; если не пойти с ним, он все равно пойдет один. И потом, не мог же он оставить эту старую развалину в одиночку тащить тяжелую корзину... И вот теперь он по уши втянут в это нелепое дело и топчется на лестнице, у которой нет конца, окруженный, затравленный...

По ступенькам поспешно спускался человек с красной повязкой на рукаве. У человека с повязкой было пышущее здоровьем лицо. Он крикнул начальственно:

— Эй, куда вы собираетесь тащить это?

Товарищ Шольц крепче ухватился за свой край корзины.

— На конференцию, — сказал он спокойно. Лицо распорядителя приобрело оттенок его нарукавной повязки.

— Но это ф е р б о т е н ¹! — крикнул он.

— Почему? — осведомился товарищ Шольц.

— Почему? — повторил распорядитель и запыхтел, не находя нужного ответа.

— Да, почему? — раздалось несколько голосов в толпе.

«В самом деле, почему? — подумал Альфред Краковяк. — Потому что мы несем не только шоколад, бутылки с вином, трактор, кран и чудесный маленький вагон, но и... семена раздора!» Он повернулся к товарищу Шольцу. Старик был невозмутим, как если бы ежедневно попадал в такие переделки. «Семена раздора!» — упорно стучало в голове у Краковяка. И еще слова старика: «Это зависит!»

— Позор! — Голос становились все громче. — Дайте им пройти!

— Они тоже рабочие!

— Это агенты Востока!

Семена раздора уже начинали давать всходы.

— Пс-с-т! Альфред, парень! — Боссе крепко ухватил его за рукав. — Послушай, это твой последний шанс! Сейчас начнется свалка! Бросай корзину! И уйдем отсюда!

— Товарищ Краковяк! — Голос старика Шольца был как железо. — Пошли дальше, товарищ Краковяк!

Ноги Альфреда Краковяка двинулись сами собой. Одна ступенька, другая... В корзине было не меньше тонны веса...

— Стой!

Это уже был не мямля-распорядитель. Это были мастера своего дела. Один — курчавый, другой — лысый, оба в штатском, но все выдавало в них профессиональных полицейских.

— Будьте любезны следовать за нами!

— Куда? — спросил старик.

— В комнату бюро конференции, — сказал курчавый сыщик.

— Демократия! — закричал кто-то презрительно, и этот возглас потонул в возбужденном шуме.

— Мы только выполняем свой долг, майне геррен, — прохрипел лысый полицейский, стараясь изобразить на лице улыбку.

— Мы тоже выполняем свой долг, — сказал старик. — Мы из рабочего государства. Мы не привыкли пятиться назад.

Улыбка на лице лысого погасла. Курчавый подумал и сказал:

— Тогда нам придется подвергнуть вас аресту.

Старый Шольц между тем продолжал подниматься со ступеньки на ступеньку. Это заставляло и Краковяка тащиться вслед за ним, хотя ему уже до смерти хотелось бросить корзину. Сначала он двигался, как во сне, потом невольно стал приспосабливаться к шагу старика — раз — два, раз — два, не спешить, впереди еще целый пролет лестницы... Мы из рабочего государства... Мы не привыкли пятиться назад... Раз — два...

Корзина вела себя великолепно. Она становилась легче с каждым шагом. Она теснила сыщиков и заставляла их отступать, обороняться от толчков. У них были злые и глупые лица. Вокруг бушевал смех, раздавались выкрики, кто-то мяукал по-кошачьи.

Уже был виден конец лестницы — площадка, забитая людьми, с любопытством глядевшими вниз. Они еще не знали, что происходит, но уже догадывались, что тут не простой уличный скандал, мимо которого проходишь равнодушно.

Курчавый сыщик выступил вперед. Он схватил товарища Шольца за руку и крепко сдвинул ее. Корзина закачалась, опасно накренилась. Альфред Краковяк старался поддержать ее, но на него налетел лысый полицейский:

— Вы арестованы!

Корзина рухнула на мрамор лестницы. Целлофан прорвался. Бутылка покатила вниз, разбилась, окрасив красным белые ступени.

— Арестованы, за что? — спросил Краковяк. Он видел, что товарищ Шольц не в силах говорить, что он корчится от боли: сыщик закручивал ему руки за спину.

— За что? — повторил Краковяк. Вдруг все стало просто: сейчас уже никто не заставит его молчать. — За то, что мы привезли подарки?

— Нет, — сказал лысый полицейский. — За то, что вы нарушаете мир и спокойствие.

На секунду на лестнице воцарилась мертвая тишина, тишина перед столпотворением. Альфред Краковяк чувствовал на себе чьи-то горящие глаза. «Нарушаем... мир и спокойствие», — мелькнуло у него в голове.

— Мир? — закричал он. — Какой мир? Чей мир?

Потом он увидел Боссе, своего приятеля. Тот что-то закричал, дико подпрыгнул и обеими ногами вскочил на корзину. Он принялся

топтать ее. Это был танец разрушения. Боссе скакал по вязкой начинке, струившейся из тортов и шоколада, по раздавленным вишням, по осколкам стекла. Боссе вдруг чем-то напомнил Краковяку Анну-Марию, хотя потное лицо его друга было обезображено совсем другой страстью. Человек топтал не только эти нарядные куклы, не только этот игрушечный кран и трактор с плугом и бороной. Он уничтожал все детские игрушки, все тракторы, всех, кто сделал их, и страну, где они были сделаны.

— Восток! — рычал он. — Восток! Восток! Восток!

Краковяк вдруг осенило: Боссе хочет гибели ему, старику, всем, кто им близок. Он не в силах прогнать злого духа своей измены. И теперь хочет уничтожить то, чему изменил. Боссе схватил миниатюрный спальный вагон и поднял его высоко над головой.

Толпа затаила дыхание. Курчавый сыщик перестал выкручивать руки товарищу Шольцу. Альфред Краковяк рванулся, выскользнул из объятий лысого полицейского, прыгнул на Боссе и обеими руками вцепился ему в горло. Боссе зашатался.

Маленький вагон ударился о ступени; его крохотные простыни и наволочки разлетелись испуганно, как белые голуби. Боссе хрипел. Краковяк был невысок ростом, он повис на нем, словно прилип к нему. Мгновение — и оба покатались вниз.

— Вам... не... уничтожить... нас, — повторял Краковяк прямо в багрово-красное лицо Боссе, пока они катились со ступеньки на ступеньку. — Не... уничтожить... нас... слышите... не... уничтожить...

Он пришел в себя в полицейской машине. Голова его лежала на коленях у старого Шольца. Двое сыщиков сидели у задней двери.

— Ну и парень! — рассуждал курчавый сыщик. — Нарушение мира и спокойствия; сопротивление власти; нападение и избиение; покушение на убийство. Да, он заработал по меньшей мере годика четыре.

Лысый кивнул в знак согласия и проворчал:

— А еще приезжают сюда толковать нам о демократии!

Альфред Краковяк рванулся, он хотел возразить. Старый Шольц наклонился над ним и положил ему на голову свою теплую руку.

— Ничего, — сказал он. — Ничего. Ты в порядке, мальчик. Все будет хорошо.

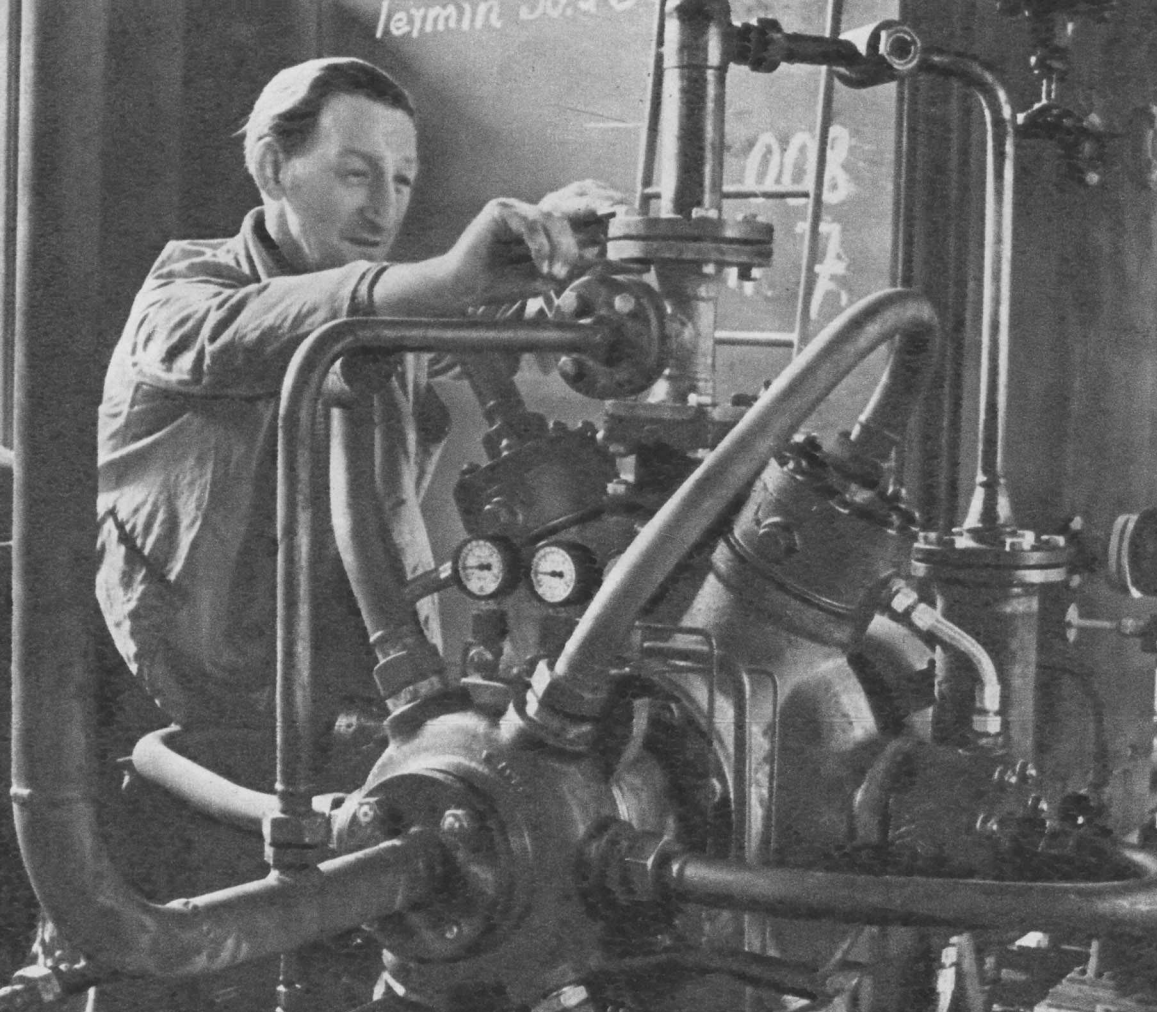
— Им... не... уничтожить... нас, — пробормотал Краковяк.

— Нет, не уничтожить, — согласился старик. — Им не под силу. Ты напомнил им это.

Альфреду Краковяку хотелось смеяться от радости. Но смеяться было больно: ломило грудь, все тело. И он смеялся одними глазами.

Перевод Л. ЧЕРНЯВСКОГО.

¹ Запрещено (нем.).

В Советский Союз

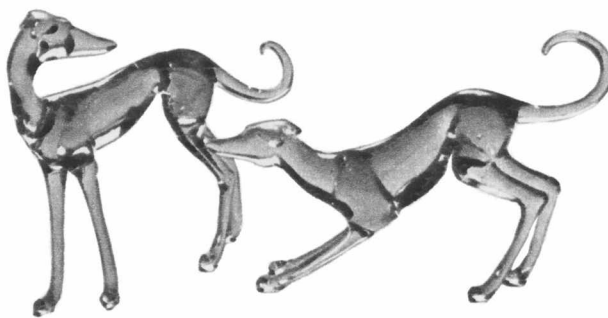
Науке Советской страны служит этот компрессор для камеры по исследованию влажности, изготовленный народным предприятием ГДР «Холодильные автоматы».

В Норвегию

Скандинавские страны живо интересуются изделиями из стекла, создаваемыми в ГДР. Эти статуэтки сделаны по эскизам художника А. Шеделя из Арнштадта.

В Швецию

Этот мост в прошлом году сдан в эксплуатацию в центре шведской столицы. Монтаж моста, изготовленного на народном предприятии ГДР в Лауххаммере, был закончен на три месяца раньше установленного срока.

Недавно мне пришлось провести несколько дней в Праге. Я был очень занят и только в последний день вспомнил: надо привезти домой какой-нибудь подарок. Купить разве что-либо из знаменитого чешского стекла? В ближайшем магазине я приобрел красивую граненую вазочку и помчался на аэродром.

Оконфузился я в тот же вечер, когда извлек мой подарок и торжественно преподнес его домашним. Чьи-то зоркие глаза обнаружили то, чего я сам не заметил: фабричную марку. Да, несомненно: «Сделано в ГДР»! Вазочка, оказывается, была родом из нашего доброго немецкого Лаузица, и я мог бы ее с таким же успехом купить у себя в Берлине...

Сперва мы посмеялись над этим казусом, а затем пришли к заключению, что он нам очень

Торгов мар

Ганнес ХЮТТНЕР, немецкий журналист

приятен. Это было одно из многих свидетельств того, что наша Германская Демократическая Республика отнюдь не случайный гость на мировом торговом рынке.

Десятилетие назад у нас уже сложились торговые отношения со странами социалистического лагеря, прежде всего с великой дружественной страной — Советским Союзом, с Польской Народной Республикой, Чехословакией. С тех пор торговый обмен с братскими странами растет и крепнет.

Вот уже несколько лет, как наше экономическое сотрудничество с социалистическими странами вступило в новую фазу. Оно не ограничивается обменом готовыми изделиями, а все глубже проникает в область и самого производства. Вспомним хотя бы строительство большого целлюлозного комбината в Румынии в устье Дуная. В этой стройке принимает участие и ГДР. К нам в оплату за нашу помощь потекут массы целлюлозы, в которой мы испытываем большую потребность.

Возьмите Чехословакию. Там наша грузовая автомашина «Гарант» становится преобладающим средством автотранспорта по классу грузовиков среднего тоннажа; а в нашей республике всюду ходят автобусы чехословацкой марки «Шкода». По соглашению, заключенному через Совет экономической взаимопомощи социалистических государств, мы поставляем странам народной демократии малые, а Чехословакия — большие грузовые машины.

Иным образом обстоит дело со странами капиталистического рынка. Здесь торговля часто является для Германской Демократической Республики первой и единственной точкой соприкосновения. Всем известно, как добивались наложения запрета на торговлю с нами и Соединенные Штаты и Западная Германия. Однако на капиталистическом рынке в конечном счете решает вопрос, что вы можете предложить и по какой цене.

В январе этого года Союз промышленников Великобритании заключил официальное торговое соглашение с нашей республикой. Англия поставляет нам сталь и машины, мы отправляем ей химикаты. Сегодня торговую марку ГДР можно встретить не только во всех значительных стра-

нах Европы, но и во многих странах Азии и Африки — всего это составляет сто с лишним стран. Растут торговые связи нашей республики с молодыми государствами Востока, такими, как Объединенная Арабская Республика и Ирак. Внешняя торговля Германской Демократической Республики, как и всех социалистических стран, строится на основах равноправия и взаимной выгоды, и при оказании экономической помощи мы не ставим никаких дискриминирующих политических условий. Мы не идем в этом отношении по пути Западной Германии!

Кому из советских читателей не знакома Лейпцигская ярмарка! Долгий путь пройден нами от первой послевоенной ярмарки в Лейпциге в 1946 году, когда нам с большим трудом удалось продать за границу товаров на два миллиона

как ка ГДР

марок, да и то условно — если у нас будет необходимое сырье. А сейчас сотни капиталистических фирм стремятся в Лейпциг и заключают с нами сделки.

Внешняя торговля нашей республики — общенародное дело. В конце прошлого года в порту Ростока состоялись «крестины» десятилетиячного дизельного судна. Молодая работница Ингебург Дитрих, по традиции, разбила об нос судна бутылку шампанского, все стоявшие в порту суда загудели своими сиренами, и тут же было снято покрывало с названия судна. «Младенец» был наречен несколько неожиданным именем — «Конек-скакунок».

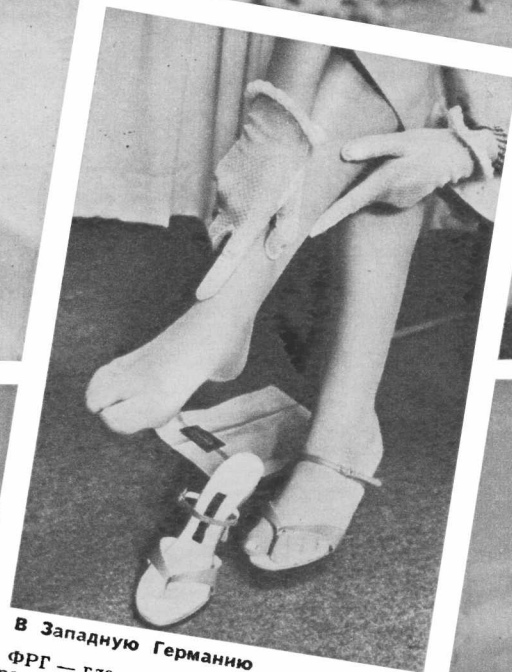
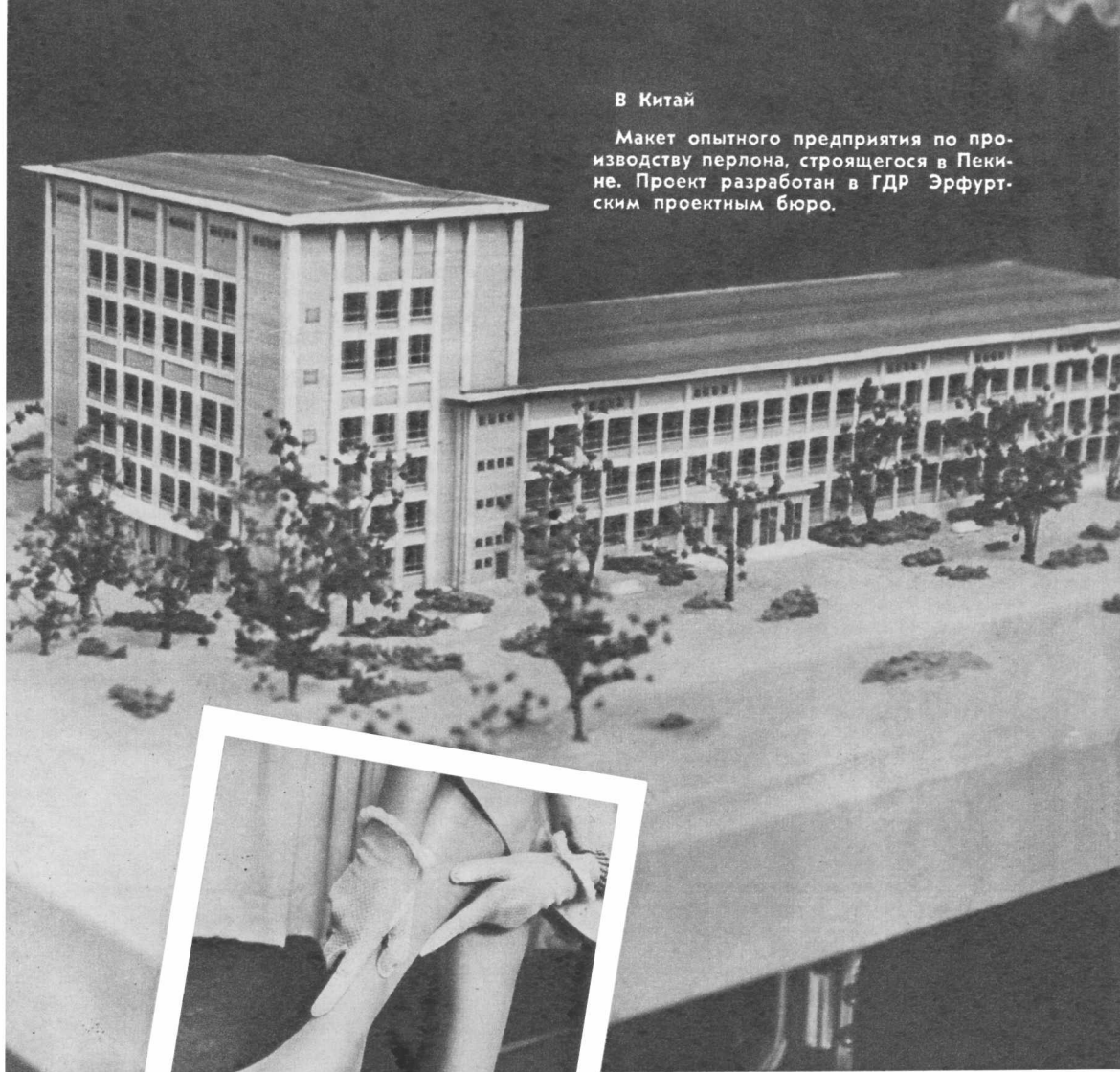
Разгадка этого имени такова. В прошлом году небольшое парфюмерно-косметическое предприятие в Дрездене, носящее название «Конек-скакунок», передало министерству внутренней и внешней торговли товаров на сто тысяч марок. Эти товары, мыло и духи, были выработаны сверх плана, и рабочие фабрики предложили, чтобы сумма, вырученная от их продажи, была обращена на расширение торгового флота ГДР. Инициатива предприятия «Конек-скакунок» положила начало большому общественному движению. На средства, вырученные от продажи сверхплановой продукции разных предприятий и составившие 150 миллионов марок, наш флот получил не одно, а целых пять судов. «Конек-скакунок» на днях вернулся в Висмар из Ходейды, порта в Йемене. Движение его имени продолжает расширяться: к концу августа на его счету уже числилось 200 миллионов марок.

Германская Демократическая Республика строит суда для многих стран. Изготовленные на верфях в ГДР, они бороздят воды Средиземного моря, совершают рейсы на Дальний Восток, выходят на лов рыбы в Северное и Балтийское моря. Судостроение — молодая отрасль промышленности нашей республики, но она уже завоевала хорошую славу.

Первое в истории немецкое государство рабочих и крестьян все больше утверждает себя на мировом рынке. В десятилетие Германской Демократической Республики трудящиеся нашей страны полны уверенности, что эти его успехи будут множиться и расти на благо всего содружества социалистических стран во главе с великим Советским Союзом.

В Китае

Макет опытного предприятия по производству перлона, строящегося в Пекине. Проект разработан в ГДР Эрфуртским проектным бюро.

В Западную Германию

ФРГ — главный потребитель чулочной промышленности ГДР. Экспортируемые в ФРГ чулки с раздельным тканым носком для сандалий — продукция народной фабрики «Три сосны».

В ОАР

Автомашина «Вартбург» и мотоцикл из ГДР у пирамид Хефрена. ГДР поставляет в этом году в ОАР также и оптические и электрические приборы на общую сумму в 24 миллиона египетских фунтов.

Нас одиннадцать человек. Мы собрались в туристскую поездку по Восточному Саяну. Все готово. Но пришлось отъезд отложить на неделю. В геологическом управлении, где мы стали своими людьми, нас успокоили: «Перевалы закрыты, все под снегом, самолеты не летают!». Оставалось ждать.

Комната наполовину завалена мешочками с крупой, консервами, горными ботинками, мотками капроновой веревки, пилами, топорами, картами — всем тем, что необходимо в дальнем путешествии. Планшетка набита до отказа: схемы порогов, чертежи плотов, советы, собранные по крошкам у геологов и геофизиков, из писем охотников и лесников.

...Сразу за Красноярском и до самого Байкала бегут синие горы. Чем ближе Байкал, тем ближе подступают они к окнам вагонов, темнее мохнатыми вершинами. Это «наш» Восточный Саян. Хребты его, протянувшиеся с востока на запад, изрезаны глубокими ущельями, в которых текут порожистые реки — Казыр, Кизир, Уда, Ока...

В короткое теплое лето снега бурно тают, реки вздуваются и, кроша гранитные русла, несут свои воды на запад, в Енисей, и на север, в легендарную Ангару. К концу лета горы становятся похожими на гравюры, редкие ледники извиваются по синим склонам. Реки мелеют. Гранитные чудовища поднимаются из воды, потоки еще злее бьются в каменных мешках. Уже в середине сентября летят первые «белые мухи», и снова наступает зима. С ее приходом спускаются вниз, в тайгу, лось, изюбр, кабарга. Все они летом спасались от мошки на верхних, белковых озерах, а теперь перебираются к берегам рек, где на крутых обрывах можно еще отыскать клочья побуревшей травы и ягеля. За «большими» идут и «маленькие». На поспевшие кедровые шишки тучами находят белка, а за ней пожалует и соболь. В это время и выезжает на узкие тропы охотник-тоф.

Кочевые чумы теперь не дымят на пустынных белковых склонах. Семьи внизу, в теплых домах с белыми наличниками. Младшие ребята бегут в школу «на тот конец деревни», а старшие с осени улетают в Алыгджер, за сотню километров, в интернат. Конечно, на всякий случай прибита подошва медведя над дверью. Мало ли что! Но уезжает охотник спокойно: доктор есть, школа есть, магазин есть — чего волноваться?

...Позади Нижнеудинск. Клочья серых облаков рвутся о самолет, оставляя на стекле мелкую водяную пыль. Круче и круче ползет самолет к узкой ложбине перевала. Внизу светлая ленточка реки, новые желтые срубы рядом со старыми серыми крышами. И вот колеса запрыгали по кочкам...

Верхняя Гутара возникла в тридцатые годы, вместе с тремя другими тофаларскими поселками на берегах Гутары и Уды. Десятилетиями обкрадывавшие купцами, тофы сначала очень неохотно бросали свои чумы и переходили в дома. Но скоро они поняли разницу между «теми» и «этими». Один за другим охотники стали селиться в поселках. Теперь и не

найдешь среди них чудаков, которые кочевали бы всей семьей. За оградой мычит корова, бегают свиньи, и к осени в сених появляются мешки с картошкой.

Колхозы, которые были созданы вскоре после первых поселенцев, выросли в крепкие, богатые хозяйства. Гутарский колхоз, помимо фермы черно-бурых лис и охотничьего промысла, ощутимую часть своего миллионного дохода получает от оленьих стад: длинные вереницы караванов на долгие месяцы уходят в горы — с каждым годом все больше и больше экспедиций отправляется в тайгу. И многие из них продвигаются по тайге на оленях гу-

— Налегке не пойду, однако. Лисам мясо надо, медведя стрелять буду.

Теперь мы совсем одни. Быстро темнеет, мигают красные угли костра, в свитерах тепло, и совсем не хочется лезть в палатку. А надо спать. Завтра восхождение на вершину.

...За несколько дней дикий берег Уды стал обжитым и привычным, как дом. Отмель завалена стружками, опилками, чурками. У берега на привязи мягко тычутся плоты. На том берегу ровно, как паяльная лампа, гудит в устье приток Уды — маленькая Тер-Яга. Очертания гор становятся матовыми и растворяются в молоч-

щих синих громад. Волны захлестывают по грудь, отрывают ноги от бревен. Справа и слева под водой проносятся светлые каменные плиты. Вода пляшет вокруг них белыми клочьями пены. Плот выносит в небольшой темный «улов», мы вылезаем на берег. Уже прошли? Хочется плясать, но ноги не сдвинешь с места. Один из самых сложных удинских порогов остался позади.

...Где-то в тайге пожар. Сумрачно. Тянет гарью. Солнце висит оранжевое и круглое, смотреть на него можно, не жмурясь. Теней нет. Причудливые башни прибрежных скал тонут основаниями в синих облаках дыма. Высоко в

тарского колхоза «Кызыл-Тофа». С таким же караваном идем и мы.

...После трех дней пути по глухим тропам мы поднялись к Казырскому перевалу. Здесь у снежников в редком кедровом расположилось на лето оленье стадо. В чуме у пастухов тепло и уютно. Булькает на огне чайник, светится зеленый глазок радиоприемника, Турчанинова рассказывает сказку об Иване-царевиче и Сером волке. Возле чума басовито фыркают проголодавшиеся олени — вылитые пыжиковые шапки.

Утром выходим на перевал. Последние деревья, остаются внизу, вокруг нас настоящая тундра. По обеим сторонам широкой долины поднимаются крутые заснеженные склоны, до вершин рукой подать. Ноги тонут в белесом мху, чавкает еле оттаявшая мерзлота. В рваных трещинах тусклый ископаемый лед. На седых глыбах корчатся прутики карликовой ивы. Много цветов. Маленькие, нежные, они все время дрожат — здесь почти всегда ветер. Сквозь тучи прорывается солнце и выхватывает пятна одиноких лиственниц у границы леса, красные кочки, черные стеклянные лужи.

На берегу Уды разбиваем базовый лагерь. Караван уходит. Прощаемся с проводником.

— Назад-то налегке, наверное, быстро дойдешь?

ной мгле. В честь окончания строительства плотов наши девчата готовят торжественный ужин: днем они наловили здоровенных хариусов и теперь колдуют над ухой. В банках от фотоленки пекуются лепешки с черносливом.

...Седые от ночного инея лиственницы, черные омуты с клочьями пены, коряги, глыбы блестящих, мокрых камней — все пролетает назад с непривычной быстротой. Все-таки плыть куда приятнее. Рюкзак не давит, и головой вертишь во все стороны. Правда, на первых же километрах нам приходится соскакивать в воду, валять, толкать наш «Кон-Тики» через каменные завалы. И снова плот под ударами гребей мечется в узком потоке.

На пятый день плавания справа вырастает бурая, в подтеках стена. Высоко вверху, на светлом небе, крошечные деревца. Река резко, под откос уходит влево. За косой ничего не видно, но еле слышный раньше шум разрастается в грохот. Камни под нами сливаются в сплошные светлые полосы. Посредине реки две синие глыбы. Под самым левым берегом узкий крутой слив, а там, дальше, снова поворот и неизвестность.

Мышцы наливаются тупой болью. Выгребая влево, в спешительный слив, мимо нарастаю-

небе с тонким писксом кружатся скопы, а еще выше стрекочет невидимый отсюда вертолет: ищет очаги пожара.

Река широкая и спокойная. Только на перекатах, когда к самому плоту подступают камни и дно поднимается под бревна, понимаешь, почему за день отмахиваем по шестидесяти — семьдесят километров.

Плывем последние дни. Может быть, уже завтра конец нашему путешествию, осталось километров пятьдесят. У подгребов изрядно «отошавшие» рюкзаки, теперь в них вместо продуктов камни, семена цветов, коряги и корневича — дорогие саянские сувениры.

На берегу белые кубики палаток. Парни в чистых майках. Геологи — иркутяне. Смотрят на нас с любопытством и удивлением.

— Туристы? С самого верху? А пороги?

— Прошли, как видите...

— А мы тут с зимы. Бурим за горой. Здесь кругом наши. А выше ленинградцы. Километрах в ста двадцати.

— Ну, нам пора, ребята...

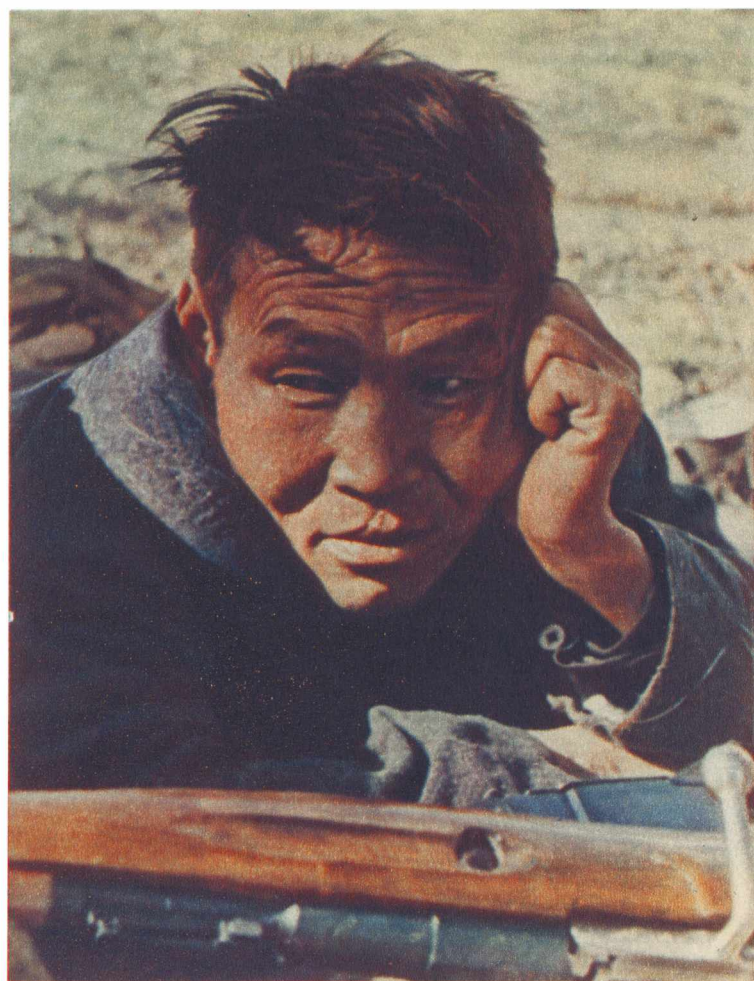
— Счастливого доплыва!

...Берега постепенно расступаются, горы уходят в стороны, и к воде сбегает яркие зеленые луга. И опять цветы. Откуда в этой стране столько красивых цветов?..

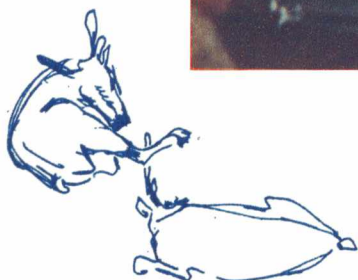

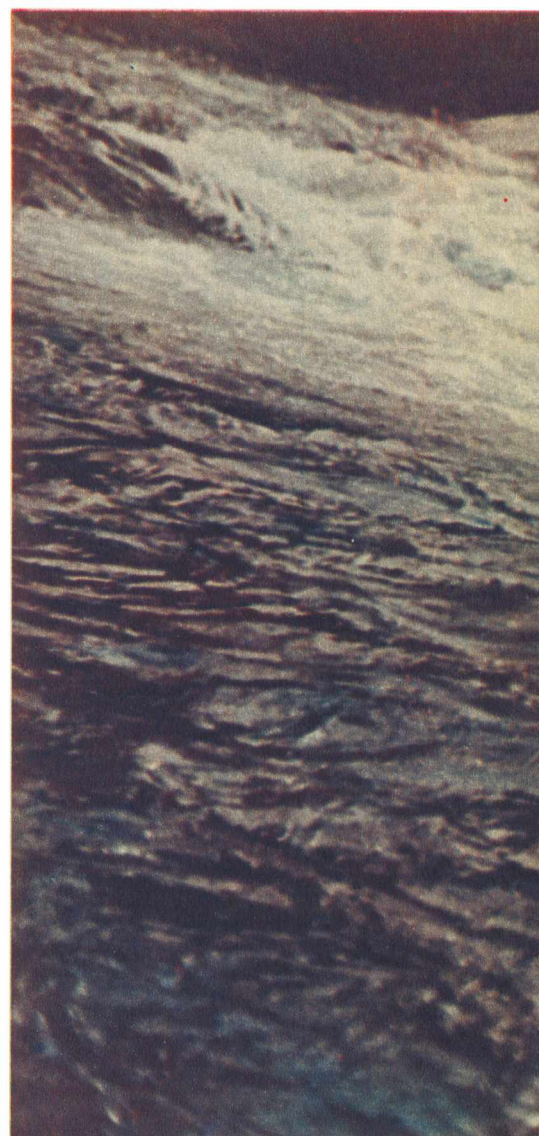
За снежником поднимались хмурые скалы пика Ротова.

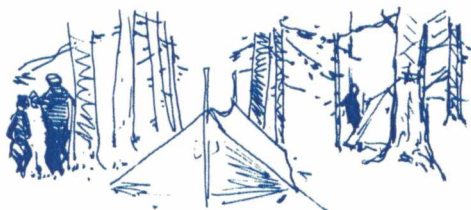

Проводник Григорий Тутаев никому не рассказывал, сколько убил медведей и соболя за этот год, сколько километров отшагал по тайге, перегоняя оленье стада. Вот жизнь в Москве — это другое дело, об этом стоит поговорить! А то медведи, медведи — невидаль...

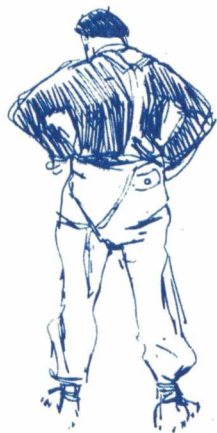

Сразу за поворотом река ухнула куда-то вниз. Пл

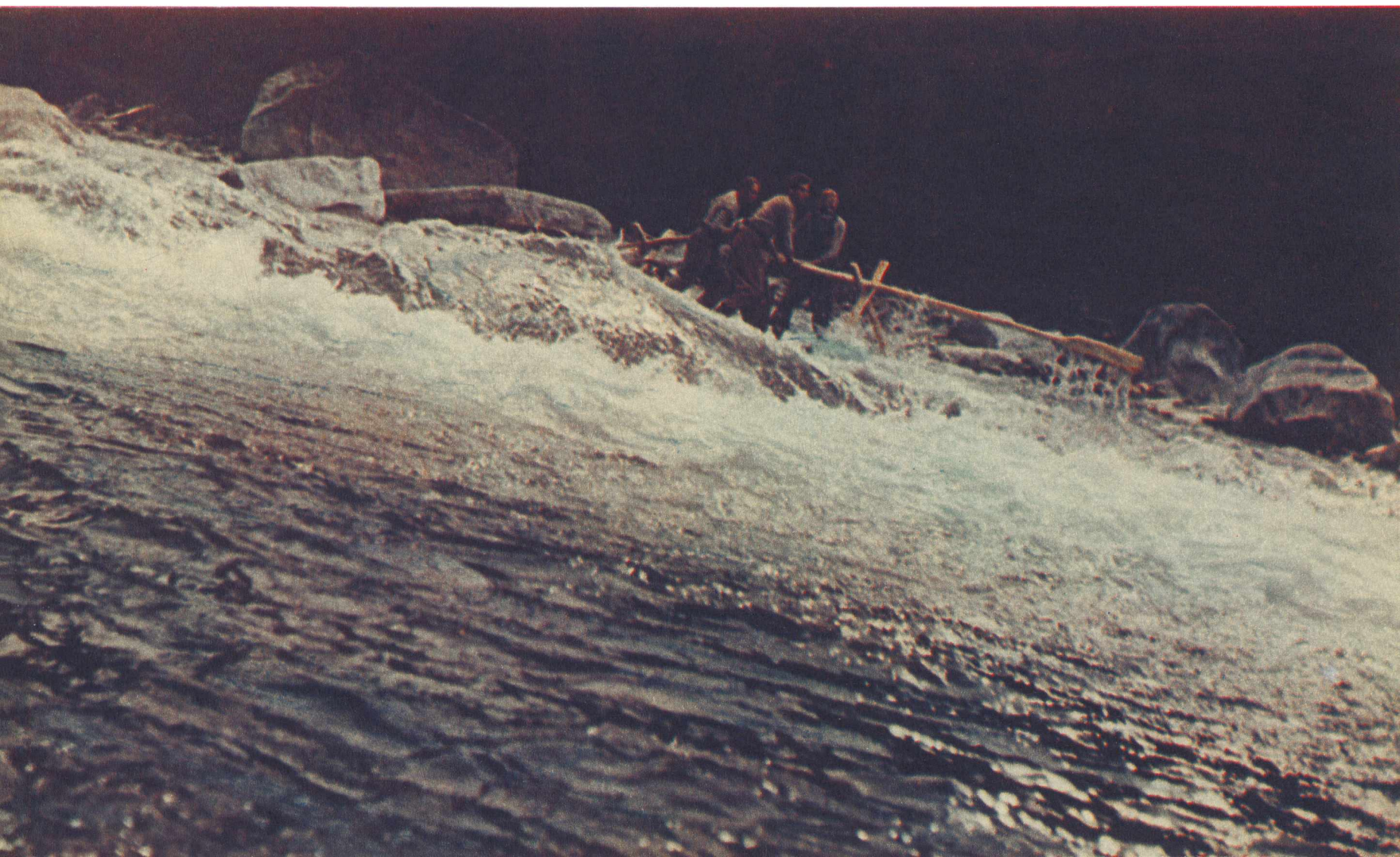

На узком утесе в честь отплытия зажжен торжественный факел. Началась жизнь на плотках — минуты отдыха и бесконечные схватки с водой.

Плот наш ринулся в порог.

Под ледниками, в лиственничной чаще, прячутся синие, чистые озера, полные упругих хариусов. По берегам, в густой траве и на замшелых камнях, сверкает фейерверк цветов буйного саянского лета.

Рудольф ГАРНИШ,
член городского собрания Большого Берлина

Фото Центральбильт, А. Пашковяна,
К. Шварцера.

19 июня 1948 года десять военных самолетов, прилетев из Франкфурта-на-Майне, опустились на аэродроме Темпельхоф. Из фюзеляжей самолетов были спешно и тайком выгружены ящики, числом шестьдесят один, и перевезены на грузовиках в район Далем. В ящиках находились свежее отпечатанные кредитные билеты — много миллионов немецких марок. Уже в последующие дни новые деньги были выпущены в обращение в трех западных секторах города, а старые объявлены недействительными и изъяты.

Эта сепаратная валютная реформа в западной части Берлина была одним из первых шагов к расколу города западными державами. Реакционные немецкие представители в городских органах самоуправления продолжали углублять этот раскол, пытались «узаконить» его. Но они строили свои расчеты без хозяина. В ноябре 1948 года десятки тысяч бер-

Излюбленное место отдыха берлинцев — Грюнау.

линцев устроили демонстрацию перед городской ратушей и решительно потребовали создать честное, демократическое городское управление. Раскольники Рейтер, Зур, Фриденсбург и их друзья сложили «манатки» и покинули ратушу, чтобы тотчас же образовывать в западной части Берлина, в маленькой ратуше Шенеберга, раскольнический «западногерманский сенат». Тогда-то в восточной части города и был создан демократический магистрат Большого Берлина.

7 октября 1949 года родилась Германская Демократическая Республика. В Берлине, который со времени образования единого немецкого национального государства был столицей Германии, установило свое законное место пре-

бывание правительство немецкого государства рабочих и крестьян.

В городском собрании Большого Берлина сто восемьдесят депутатов. Состав его говорит сам за себя: сто двадцать пять рабочих, тридцать два служащих, шестнадцать ремесленников, шесть представителей интеллигенции, один крестьянин. Разве не отражается здесь, как в капле воды, народный, социалистический строй нашей республики?!

Демократический Берлин — город разнообразной и высокоразвитой промышленности. И здесь, как и во всей республике, отчетливо и зримо сказываются преимущества социалистического городского хозяйства. В демократическом Берлине промышленное производство возросло по сравнению с 1937 годом более чем вдвое, а в Западном Берлине оно топчется на месте. В Западном Берлине неуклонно снижаются заработки трудящихся. Дорожает продовольствие. А в демократическом Берлине систематически снижаются не заработки, а цены.

У берлинцев старая традиция — покупать на улицах в киосках горячие сосиски. В 1949 году порция сосисок стоила шесть немецких марок, а сейчас — меньше марки, 80 пфеннигов. В трамвае или в метро я часто наблюдал, как житель Западного Берлина по привычке вручает кондуктору за проездной билет больше, чем он стоит; в Западном Берлине проезд на городском транспорте в полтора раза дороже, чем у нас.

Домовладельцы Западного Берлина бесстыдно спекулируют

жилием, обогащаясь за счет трудящихся. С июля 1953 года до конца 1958 года квартирная плата в Западном Берлине поднялась почти на 20 процентов. В демократическом же Берлине строительным рабочим, применяя ин-

дустриальные методы строитель-

ства, удалось сократить сроки сооружения новых домов до 6—8 месяцев. Квартирная плата у нас намного ниже, чем в Западном Берлине.

Бюджет народного Берлина прочен и устойчив. Западный Берлин большую часть своих налоговых

Члены магистрата Большого Берлина среди строительных рабочих на закладке нового дома.

Строительные рабочие демократического Берлина в день получки.

Любимая закуска берлинцев — бутерброды с сосисками.

поступлений перечисляет в бюджет Бонна, хотя юридически Западный Берлин не входит в состав западногерманского государства. Бонн высасывает из зарботков трудящихся Западного Берли-

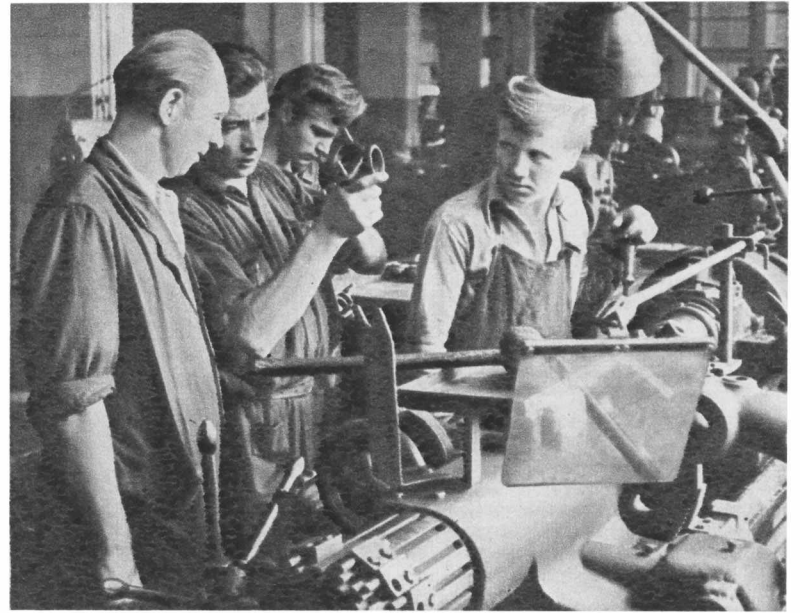
на средства для атомного вооружения бундесвера.

Быть может, советским читателям будет интересно узнать, что в демократическом Берлине действуют девять театров на девять тысяч мест. Многие западноберлинцы охотно посещают наши театры, где можно найти подлинное искусство.

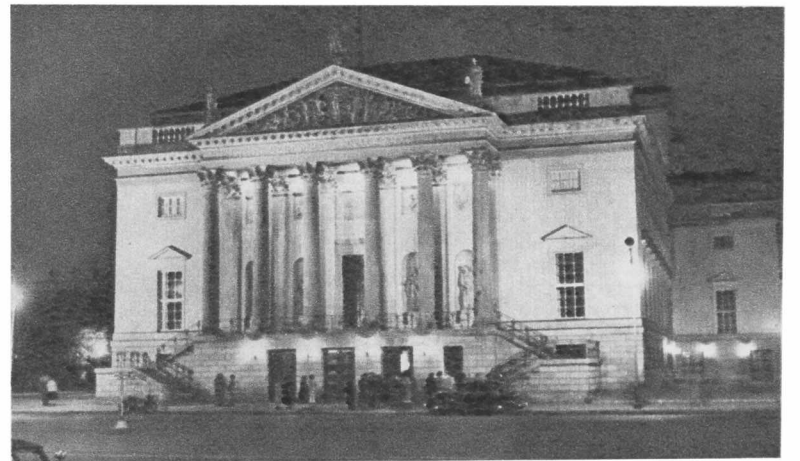
Дети... Разве можно перечислить все, что мы делали и делаем с любовью для наших юных берлинцев! Возьмем хотя бы большой зоопарк, заново созданный в Фридрихсфельде. Для маленьких берлинцев он стал любимым местом прогулок и развлечений.

Демократический Берлин произведет на приезжего впечатление молодого города, как и древняя Москва и многие другие города Советского Союза. В облик нашей столицы главная черта — строительство, непрерывное обновление, оптимизм.

Но на границах нашего здорового Берлина находится Берлин больной, пораженный тяжелым недугом. Мы не можем прими-

Бригада социалистического труда имени V съезда СЕПГ на Тормозном заводе.

Здание восстановленной городской оперы в демократическом Берлине.

риться с тем, чтобы и впредь там существовало свыше восьмидесяти шпионских организаций, цель которых подорвать социалистические и демократические порядки в нашей части города и во всей Германской Демократической Республике. Мы не можем согласиться с тем, чтобы Западный Берлин был втянут в атомное вооружение НАТО.

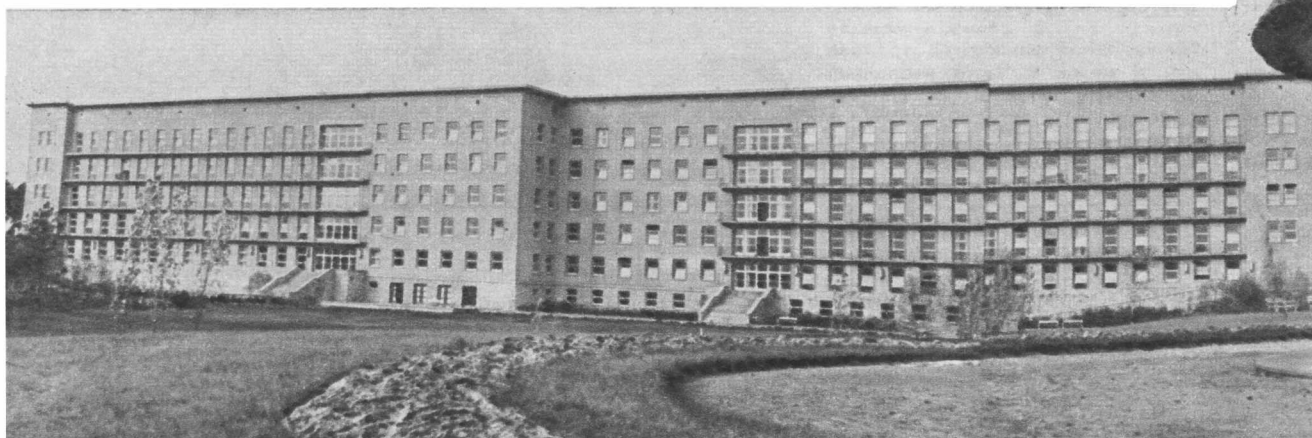
Бранденбургские ворота стоят сегодня в Берлине на водоразделе двух общественных систем. Мы охраняем и будем охранять наш социалистический строй уже у самых Бранденбургских ворот, но мы хотим охранять его рукой, лежащей на станке, а не на курке револьвера.

* * *

В десятую годовщину Германской Демократической Республики население демократического Берлина оглядывается на то, что уже достигнуто, и устремляет свои взоры в будущее. Это будущее

для каждой берлинской семьи должно быть мирным, безоблачным, счастливым. Мы искренне хотим этого и для наших братьев в Западном Берлине. Мы, избранные народа Берлина, боремся и будем бороться за это со всей энергией и страстью.

Обширные корпуса новой больницы.

Волга-

Георгий КУБЛИЦКИЙ

Фото автора.

Надписи на обелиске

— Вот он!

В веселой березовой листве мелькнул золотой шар. Он горел на замшелом гранитном обелиске, окруженном покосившимися каменными столбиками. Подле на лужку паслись коровы.

Но где же бронзовые доски с надписями? Должно быть, кто-то снял их. Вот и дыры от болтов, которыми они были прикреплены к граниту. Значит, теперь уже не прочтешь странно рубленных фраз, знакомых по книгам:

«Зиждатель пользы и славы народа своего Великий Петр здесь помышлял о судоходстве — Отдыхал на сем месте в 1711 году. Благоговеите, сыны России! — Петрову мысль Мария совершила...»

В то лето, когда шалаш Петра стоял здесь, белые облака, наверное, вот так же бежали в синеве, шумела березовая листва, тонко пели комары. Это место, позже отмеченное обелиском, опознал столетнадцатилетний старец Пахом. Чуть не век спустя после петровских изысканий его привезли сюда на телеге. Цепкая память крестьянина сохранила многое.

Он рассказывал о том, как по приказу царя в здешние леса приехали шотландец Перри и майор Корчмин. Перри был тучен, страдал одышкой. Мужики таскали его по болотам на жердях, переплетенных ветками. Сердцась на плохо понимавших его крестьян, Перри показывал, где ставить веи, по которым рубили просеки.

Они искали место, где рыть канал, соединяющий Волгу с Балтикой, — канал, о котором мечтал Петр I и ради которого царь сам десять дней ходил здесь по лесам и топам, толкуя с мужиками о течении рек.

Признаюсь, я представлял, что все возле обелиска будет выглядеть как-то значительно, романтичнее: ведь все-таки это колыбель знаменитой Марииинской системы, которая считалась вторым после Волги «двигателем богатств России». А тут сразу за березовой негустой рощей — улицы села Старо-Петровского, архангелогородский тракт с пылящими грузовиками, вопли мальчишек, гоняющих мяч: «Валерка, пасуй!»

Мы приехали к обелиску с Василием Ивановичем Королевым, старым водником и опытным строителем. Королев бывал тут не раз и не два, обелиск ему примелькался.

— «Петрову мысль Мария со-

вершила», — проворчал он. — Чепуха! Петр действительно не успел заняться каналом, а императрица Мария, жена Павла Первого, только и сделала, что дала на постройку денежки. Заметьте: и не свои, из средств воспитательных домов. И вот, пожалуйста, — Марииинская система. Не Мария, а народ совершал «Петрову мысль», русские мужики, которых в эти болота полтора столетия назад согнали. Вот памятник их труда.

Королев пошел к соседней неширокой долинке. Тут только я сообразил, что это и есть русло самого старого канала. Бревна, трухлявые, полусгнившие, торчали там, омываемые мутной водой. Королев спустился, отломил щепочку.

— Возьмите на память. Остатки шлюза. Через него в тысяча восемьсот десятом году бурлаки протянули с Волги к Санкт-Петербургу первые галиоты со всяким добром.

Мы долго смотрели на темные бревна. Где-то за лесом, совсем близко, запел пароходный свисток.

— В шлюз просится, — кивнул в ту сторону Королев. — Действующая система ведь рядом, по соседству. А мусть в русле — это от волгобалтстроевских землесосов. Они вон там, неподалеку от Матко-озера, над новым каналом трудятся.

— Значит, все три пути...

— Вот именно! Петр, пораспросив мужиков, наметил, что и как соединять. Сто лет спустя соединили. Потом каналы спрямляли, расширяли, переносили, шлюзы перестраивали. Но в общем далеко от петровских наметок не отошли. И главный канал семилетки теперь прокладываем в том же направлении, а ведь перед тем, как копать, снова перетряхнули всю здешнюю топографию и геологию. Да, мысль Петра, это верно. Но народ-то нашел эту дорогу еще до него, перетаскивая через водораздел всякую кладь посуху.

Главный канал семилетки

Новый Волго-Балтийский путь — стройка не из громких. Между тем это самый крупный из наших искусственных водных путей, действительно достойный называться главным каналом семилетки. Мы все знаем каналы имени Москвы, Беломорско-Балтийский, Волго-Дон. Так вот, трасса Волго-Балта лишь на девяносто пять километров короче трех этих каналов, вместе взятых.

Мы называли Волго-Дон великой стройкой, она отпечатана в нашем сознании народными торжествами открытия. Продолжая сравнения, напомним, что в междуречье Волги и Дона построено тринадцать шлюзов, а на новой трассе сооружается девять. Но не спешите отдавать тут пальму первенства Волго-Дону: его шлюзы значительно

короче тех, которые одеваются сейчас в бетон на пути от великой реки к балтийским водам.

Волго-Донской канал потребовал больших земляных работ, чем Волго-Балт. На километр нового пути приходится почти вчетверо меньше бетона. А водоразделы, которые преодолеваются лестницами шлюзов на обеих трассах, приблизительно одинаковы. Значит, Волго-Балт спроектирован экономичнее, дешевле. Значит, наша гидротехническая наука и строительная практика основательно ушли вперед.

Северному собрату Волго-Дона не повезло в смысле популярности. Часто слышишь:

— Волго-Балт? А где это?

Это вот где.

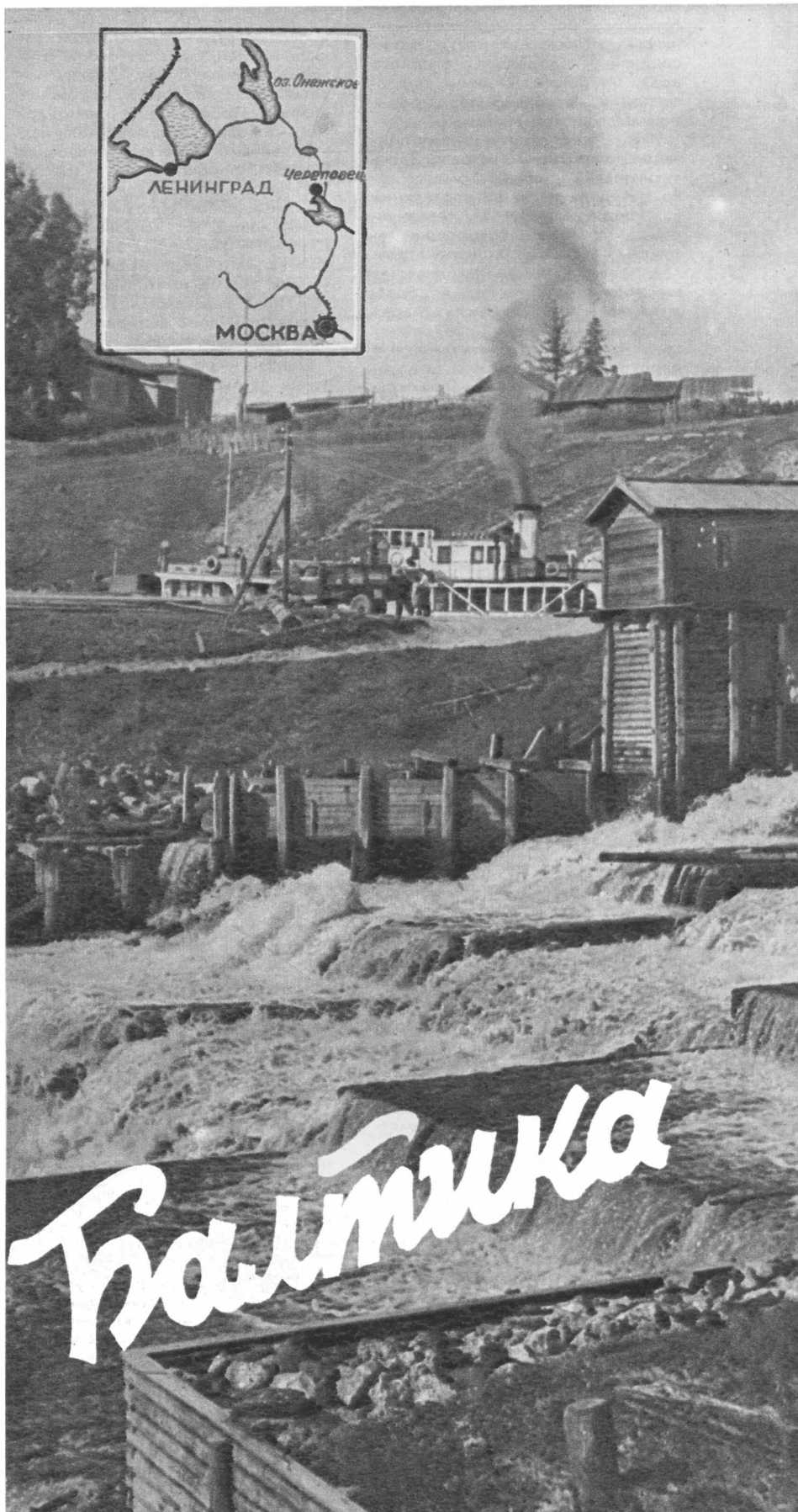
...От Северного речного вокзала в Химках отходит трехпалубный

белый гигант. Он идет по водохранилищам, чудесно вписанным в пейзаж Подмоскovie. Пройдя каналом имени Москвы, судно спускается в верховья Волги, где, наращивая мощь и простор, сиенют Московское, Угличское и Рыбинское водохранилища. В Рыбинском море перекресток дорог. Большая часть флота идет к Каспию, на великую волжскую дорогу. Но некоторые суда, оставляют ее в стороне и держат курс в самый северный залив Рыбинского моря, к Череповцу.

А вот дальше, от Череповца...

Но прервем пока путешествие по южной ветви волго-балтийско-

Вот уголок старого волго-балтийского пути: искусственный водопад реки Вытегры низвергается в русло, а повыше устроен шлюз, в котором дымит пароход.

го пути и перенесемся на северную.

От вокзала «Ленинград — Озерный», за Володарским мостом, отправляется в путь другой корабль-гигант. Он идет быстрой Невой, пересекает Ладогу — наше северное пресное море. Огни маяков укажут ему вход в Свирь. Плотины гидроузлов укротили буйный нрав этой порожистой, зубастой реки. Наш корабль идет через ее электрифицированные шлюзы; знатоки водных путешествий находят у этой удобной дороги некоторое сходство с каналом имени Москвы.

Выйдя по ней в иссиня-черные воды Онежского озера, судно наискось пересекает его, торопясь в устье реки Вытегры — туда, где стоит одноименный город.

А вот дальше от Вытегры...

Между Вытегрой на балтийском склоне и Череповцом на волжском, между двумя портовыми городами, доступными современным кораблям, как раз и лежит широкий водораздел озера края, прорезанный лишь подлатанной и несколько перестроенной Мариинской системой.

Итак, с двух сторон к нему подведены широкие магистрали. Здесь технический уровень атомного века, централизованное управление с капитанского пульта, телевизионные установки, говорящие автоматы, эхолоты, радиолокаторы.

А посередине — на трехстах шестидесяти километрах водораздела — «Петрову мысль Мария совершила», прошлый век, ручной труд на шлюзах, ветхозаветные пароходики, прозванные «голубчиками», которые в иных местах ходят так, что пассажиры по зеленой прибрежной тропе, бывшему бурлацкому бечевнику, легко обгоняют их.

Вот в этих-то местах рядом со старой «Мариинкой» на смену ей от Череповца до Вытегры и строится главный канал семилетки.

По старой бурлацкой дороге

Я не был в Череповце лет десять. За эти годы он превратился в опору северной металлургии.

По-прежнему лиственницы-великаны дремали над заливом Рыбинского моря, над рейдом, где из трюмов волжских барж перегружают товары в маломерные посудины, способные пройти по «Мариинке». Тот же собор на горе, а за ним главная улица, мощенная булыжником, застроенная в провинциальном купеческом стиле. Странно, что чугун и сталь так мало изменили город.

Размышляя таким образом, я дошел до незнакомого здания на углу. Это, оказывается, Дом культуры металлургов. Как раз отсюда автобусы и ходят в район — ровесник череповецким домам и мартенам. Там уже никаким купеческим духом не пахло, а была солнечная площадь Металлургов, площадь-сад, высокие светлые дома, детвора в сквере возле памятника череповецкому уроженцу, большому русскому баталисту Верещагину, и в просветах боковой улицы бежали красно-желтые трамвайные вагоны.

Череповец слывет ключ-городом Мариинской системы, открывающим дорогу на водораздел. По этой дороге и отправился наш «Некрасов». Нет, он вовсе не походил на тех красавцев, к которым привыкла Волга, и скорее

казался современником того, чье имя носил. Шел «Некрасов» не шибко, не гнушался остановками возле самых маленьких пристаней.

Не знаю, как вам, а мне в самом слове Шексна слышится что-то бойкое, верткое, быстрое. Река была с характером, что и говорить! Я как-то выписал из старой лоции названия главных шекснинских порогов: Филин, Сыч, Ошкуреха, Свинья, Дресвянный, Коленец, Кривец, Безворотный, Звездец, Болтун, Змеиный. А кроме них, десятки подводных гряд с разными ядовитыми прозвищами, придуманными бурлаками, которым приходилось тащить через стремнины тяжелые баржи. Остров на Шексне, и тот окрестили Разбоем...

Но куда подевались все эти пороги и гряды? Долго воевал с ними русский человек, налаживая водную дорогу к Балтике. По всему дну реки прокладывали цепь, и особые суда — туэра подтягивались по ней, таща за собой груженные баржи. Потом Шексну перегородили плотинами, построили шлюзы. Прошли еще десятилетия — и волны моря зашумели над утопленными порогами в низовьях Шексны, перенесли ее устье от Рыбинска к Череповцу. А скоро все нынешние шлюзы заменит один, новый, и... исчезнет старая Шексна! В очертаниях берегов Череповецкого водохранилища не узнаем мы ее прихотливых изгибов, пока еще заставляющих рулевых то и дело вытирать пот со лба.

Шексна — река лесная. Длинные узкие плоты — их называют здесь гонками — тянутся и тянутся навстречу «Некрасову» за сильными коротышками-буксирами. Устья притоков забиты бревнами так, что воды не видно.

Здесь края богаты воспоминаниями и памятниками давно минувших дней. Вот справа подогрела речка Сизьма, по ней новгородские ушкуйники хаживали на север. Возле пристани Топорня «Некрасов» повернул в боковой канал к городу Кириллову. Воды Сиверского озера плещут там у неприступных стен Кирилло-Белозерского монастыря; немного поодаль — знаменитое Ферапонтово, где дивные фрески работы Дионисия привлекают художников со всего света. А в деревянной церковке, которую теперь укрыли за монастырской оградой от скорого наступления воды, были найдены иконы старинного письма, восхищавшие посетителей на выставках в Брюсселе и Нью-Йорке. Какие волнующие встречи с русской стариной предстоят будущим пассажирам Волго-Балта!

Вернувшись из Кириллова в Топорню, я в ожидании следующего парохода наслушался рассказов о медвежьей охоте, светлой ночью побродил по сосновой корабельной роше, а на заре сел на однопалубный пароходик, типичный «голубчик».

— Шексна что! Можно сказать, магистраль! Иван Васильевич Петрашень, инженер знаменитый, перед первой войной построил здешние шлюзы так, что Европа дивилась. А вот подойдем мы сейчас к «Чайке»... — И капитан безнадежно махнул рукой.

Шлюз «Чайка» должен был выпустить нас из Шексны в канал, более ста лет назад прорытый в обход бурного Базога озера. Легко сказать: должен был выпу-

стить! А если встречную гонку протягивают через этот короткий, узкий шлюзик не иначе, как разделив ее на несколько частей? Если открывают и закрывают шлюз вручную, налегая на оглобельки скрипучего вóрота?

Дождавшись наконец очереди, мы вышли в Белоозерский канал. И тут не лучше: проход узок, судно то и дело трется бортами о плоты.

Так и пошло: деревянные старые шлюзы, «самый малый» при встречах, неумолчные предупредительные свистки в бесчисленных крутых коленах реки Ковжи, теснота Новомариинского канала и, наконец, Вытегорская многоступенчатая лестница шлюзов.

— Ну, теперь будет мышеловка за мышеловкой, — вздохнул капитан. — До Вытегры осталось шестьдесят три километра, а тащить будем семнадцать с половиной часов.

Если Мариинскую систему и позволительно сейчас сравнивать с голубой или иной какой-либо артерией, то артерия эта с явными признаками склероза. Вдавлившиеся кое-где внутрь стенки шлюзов грозят превратить в закупоривающий тромб любое сколько-нибудь крупное судно. Застой флота возле наиболее неудобных гидроузлов, «пробки» плотов — все это признаки явного, но отнюдь не преждевременного одряхления транспортного организма системы.

И можно только шапку снять перед людьми, которые днем и ночью несут свою нелегкую вахту на устаревших плотинах и шлюзах, пропуская несчетную череду судов и плотов. Всюду чистота, насажены цветы, насыпан песок. Все починено, залатано, хотя полусгнившие бревна местами не держат гвоздя... Честь и слава труженикам старой «Мариинки», которая уже действовала задолго до того, как Лессепс впервые пришел к правителю Египта с планом Суэцкого канала, и которая полтора века служит народу! Завтра она уступит место Волго-Балту, не станем же помянуть ее лихом!

Машинист экскаватора Иван Васильевич Пузырный — один из лучших работников стройки.

Будем строить быстрее!

Волго-Балт — стройка с нелегкой судьбой. Начали ее до войны, возобновили работы в послевоенное время. Когда на Волго-Доне стали высвобождались строители и техника, их направляли сюда, на Волго-Балт. В 1953 году строительство было приостановлено. Вскоре представилась возможность продолжить работы. Но первое время дело шло плохо: средств

отпускалось мало, часть машин уже перебросили на другие стройки, коллектив распался. Когда Волго-Балт был назван в числе строек семилетки, некоторые работники планирующих органов, видимо, не очень поверили в то, что строители смогут быстро набрать темпы. «Да, — говорили эти плановики, — Волго-Балт за семилетку, несомненно, должен быть достроен. Но у семилетки есть и середина и конец. Следует ли торопиться, ведь старая система пока действует и может еще поскрипеть?»

Эти настроения расхолаживали, создавали неопределенность.

В Череповце, у металлургов, я разговорился с инженером Н. М. Шандюрко.

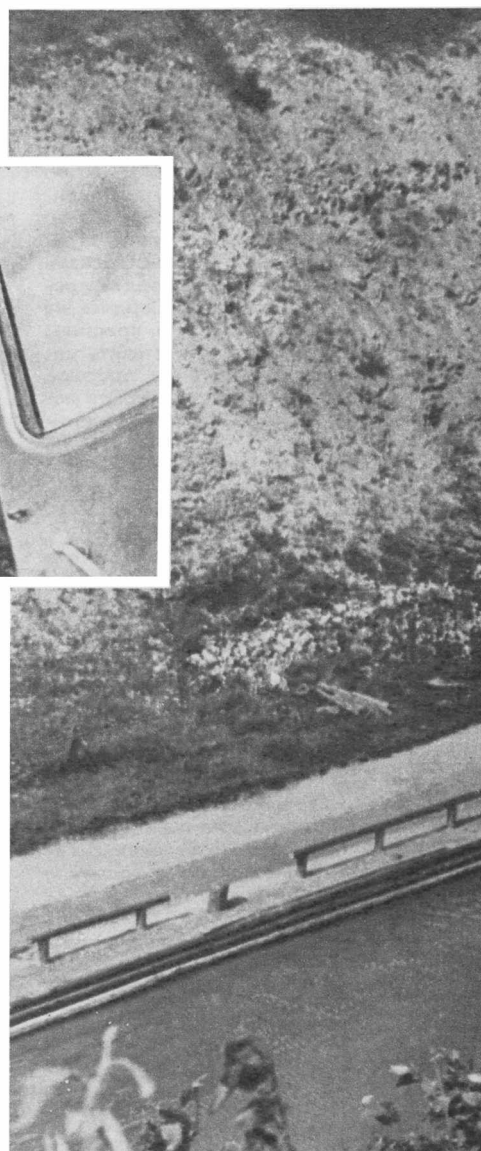
— Значит, так, — сказал он. — Баржи с рудным концентратом пойдут к нам по Беломорско-Балтийскому каналу, Онежскому озеру и Волго-Балту. Каждая будет брать примерно три тысячи тонн. Баржи саморазгружающиеся. В Череповце построим свой крупный порт. Придумали кое-что и для того, чтобы не хранить концентрат под открытым небом. Вот, взгляните.

Инженер развернул чертеж. Изображенное на нем здание несколько напоминало геодезический купол американской выставки в Москве. Это был проект склада диаметром сто шестьдесят метров.

— Уже строится?

— Нет. Без Волго-Балта и склад и порт будут только памятниками современной архитектуры. А с ним тянут.

Понятно нетерпение тех, для кого Волго-Балт должен возить быстро и дешево. Но одними из первых заговорили о том, что нужно пускать его как можно быстрее, как раз строители и проектировщики, для которых, казалось бы,

сжатые сроки сулили напряжение и хлопоты. Главный инженер проекта Г. А. Крылов писал докладные, выступал на активках. Проектировщики по-хозяйски подсчитали, что, ускорив пуск пути, можно сберечь государству сотни миллионов рублей. Тогда не будут заморожены деньги, уже вложенные в котлованы шлюзов и гидростанций, в дороги и поселки. Увеличатся доходы от Волго-Дона, Беломорско-Балтийского и других каналов, которые пока не дают все, что могут дать: их строили в расчете на сотрудничество с проспектом Волго-Балта, а не с проселком «Мариинки». Десятки миллионов рублей дохода принесут три гидростанции Волго-Балта. Не придется тратить деньги на ремонт «Мариинки» и на подновление времянок, которые никак не рассчитывались на долгие сроки стройки.

В заключение выдвигался главный козырь: крупные специалисты установили, что деньги, затраченные на окончание строительства, окупятся уже через восемь—девять лет, а когда грузооборот Волго-Балта достигнет проектного, государство станет экономить свыше семидесяти миллионов рублей в год. В дальнейшем еще больше.

Проектировщиков деятельно поддерживали строители. На Череповецком гидроузле, где стены шлюза поднялись уже выше четырехэтажного дома, я слышал характерный разговор. Несколько строителей собрались перед началом смены, курили, толковали о своих делах.

— Вот где сидят у нас задержки да проволоочки! — хлопнул ладонью по затылку Матвей Веселов, крановщик автобазы. — Наобещали народу «голубую дорогу», торопили: переселяйтесь, мол, затопит...

— Если еще тянуть будем, придется всю подсобку заново строить, — вставляет бригадир Анатолий Шонищев. — Ну, скажем, не всю — бетонное хозяйство, пожалуй, продержится, — но остальное...

— Пусть подбросят нам техники, а люди свое обеспечат, — продолжает Веселов. — Мы ведь Волго-Дон донашиваем, механизмы поизносились. Да и мало их. А у людей руки чешутся!

Веселов — один из старожилов стройки, страстный ее «болельщик». Загибая пальцы, он принялся перечислять, какие выгоды даст Волго-Балт народу. Вон начальник участка делал доклад, говорил, что Волго-Балт снимет с железных дорог в пять раз больше грузов, чем тянет старая система, и будет возить их втрое быстрее. А дешевизна... За те деньги, которые тратят сейчас на один плот, по новому пути можно будет провести три. А по некоторым грузам выигрыш в тридцать раз!

— Так какой же расчет тянуть, скажите на милость? — заключает крановщик.

...Позднее, вернувшись с Волго-Балта, я услышал на заседании коллегии Министерства транспортного строительства СССР превосходную новость: решено ускорить пуск нового водного пути и помочь для этого стройке всем необходимым.

На трассе

Уже можно «прощупать» глазами, проследить новую трассу, которая прокладывается рядом со старой, а местами совпадает с ней: прямоугольники шлюзов, то поблескивающие водой затопленных котлованов, то поднимающиеся серыми бетонными утесами в зелени лесов; еще неровные, на черном сделанные откосы каналов;

пространство, где на месте будущих водохранилищ сводят лес...

Списывая с баланса около четырех десятков шлюзиков «Мариинки», строители преодолевают подъем от Волги двумя шлюзами, а спуск к Онежскому озеру — семью. На трех гидроузлах сооружаются гидростанции. Кроме главного Череповецкого водохранилища, плотины создадут еще ряд небольших водоемов; строятся также дамбы, пристани.

Сегодня решающие участки стройки — Череповецкий гидроузел на юге, Вытегорский и Белоусовский — на севере. Там основные работы заканчиваются в будущем году. Но люди и машины разбросаны на всем протяжении трассы и готовят смыкание фронтов.

Водораздел трассы, где строители воюют с природой, — это болота, перемежающиеся пятнами леса, это торфяники, прикрывающие тяжелую глину, это валуны, принесенные великим ледником; их не убирают прочь, а «хоронят» поглубже, подмывая под ними грунт.

Пробираешься по бурелому через торфяные болота вдоль кабеля, подвешенного на покосившихся столбах-времянках, — и вдруг перед тобой глубокая яма, похожая на гигантский метеоритный кратер. А на дне ее — землесос. Из выемок на водоразделе ведут наступление навстречу друг другу экипажи нескольких землесосов.

Командир комсомольско-молодежного землесоса «Триста четвертый» Николай Иванов — волгодонец. Я спрашиваю, где труднее: тут или там?

Деятинский перекоп — искусственное ущелье, пробитое в горе строителями старой Мариинской системы, — до сих пор удивляет инженеров и восхищает туристов.

Будет шторм! И комсомолец Федор Логинов проверяет маяки, поставленные на берегу Онежского озера у входа в новый Вытегорский глубоководный канал, уже сданный в эксплуатацию строителями Волго-Балта.

— Здесь, конечно, — не раздумывает он. — Грунт шестой категории, самый тяжелый. Полюбуйтесь вот...

Снаряд как раз поднял фрезу. Ее и не видно: какой-то бочонок из глины. И глина такая, что приходится обивать ломами.

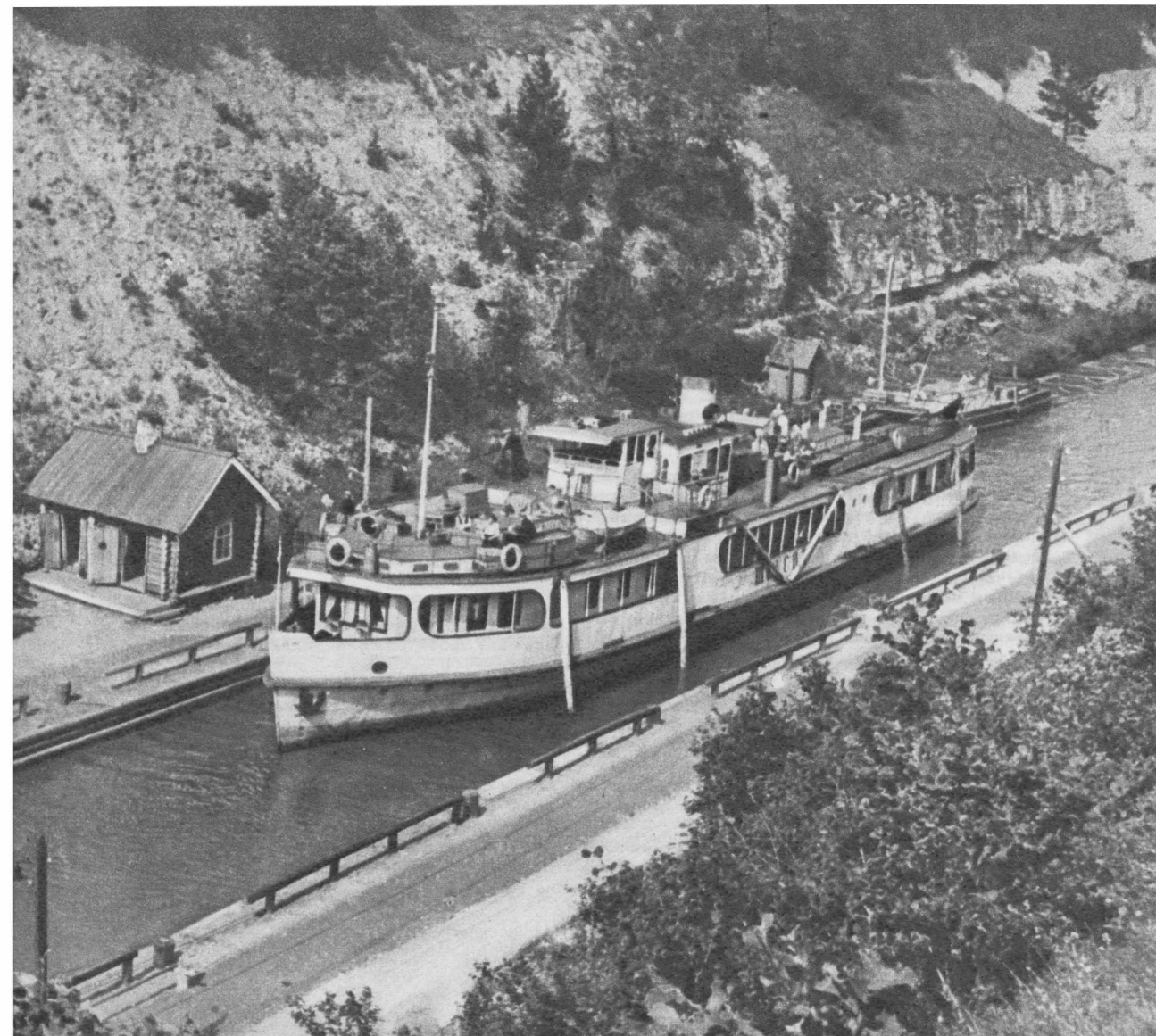
На первых двух гидроузлах, Вытегорском и Белоусовском, многое уже напоминает Волго-Дон в напряженный предпусковой год. Тут кончается пора «большого бетона», и первую скрипку готовы играть монтажники. На свирские пристани приходят уже вагоны с оборудованием, с громадными частями шлюзовых ворот.

«Мариинка» начнет сдавать полоторазовую вахту. Новые шлюзы и участки будут включаться, старые — отключаться. К экспонатам Череповецкого музея его директор энтузиаст Корнелий Константинович Морозов, наверное, прибавит алюминиевую ленту, которую разрежут у входа в первый шлюз. Она попадет в витрину рядом с прожженной во многих местах одеждой горного Федора Кириллова, в которой тот работал при пуске первой череповецкой домны, рядом со сляком из первого проката череповецкого блюминга, рядом с моделями судов старой «Мариинки».

В день открытия головного шлюза нового пути первый шлюз старой системы из действующих гидротехнических сооружений тоже перейдет в число музейных экспонатов. Конечно, его не потащат под музейную крышу. Он останется там, где стоит, но его украсят табличкой «Охраняется государством» и станут водить к нему туристов экскурсионной линии Москва — Ленинград.

Это будет интереснейшая водная линия страны. Держись, Большая Волга, у тебя появляется сильный конкурент! Наверное, нелегко будет доставать билеты на «рейсы белых ночей», когда в озерном краю «одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса», когда благоухает черемуха на шекснинских берегах, когда в Белом озере ловят знаменитого снетка, когда кажется, что у старинных обелисков бродят тени сподвижников Петра...

Мысль о водном пути между Волгой и Балтикой рождена народом. И народ же окончательно свершит ее!

Белый парус

Рассказ

Сергей НИКИТИН

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

1

Было три часа, когда в сельскохозяйственном институте кончился выпускной вечер. Кто-то погасил электрические лампы, и просторный зал, который так ярко пестрел летними платьями, сверкал золотом люстр и оркестровых труб, наполнил мертвенный свет пасмурного утра, смазавший все краски. Веселье сразу схлынуло, все засобирались домой.

— Давайте бродить по городу! Друзья, кто хочет бродить по городу? — кричал доцент Комарин, стоя на крыльце в расстегнутом пыльном пальто и в шляпе, сдвинутой на затылок.

Со студентами он держался запанибрата, пользовался среди них славой добряка, «своего парня», и вокруг него тотчас собралась целая толпа. Саша хотела незаметно пройти мимо, но Комарин остановил ее.

— Э-э, нет! — проговорил он, обняв ее за плечи и дыша в лицо запахом вина. — Идемте с нами. Друзья, не пустим ее?

— Надо домой, я устала, — сказала Саша.

Весь вечер она танцевала, смеялась, и, глядя на нее, нельзя было усомниться в том, что она, такая здоровая, красивая, молодая — ей шел только двадцать первый год, — беспрдельно счастлива и довольна своей жизнью.

Но это было не так. В тот год, последний перед окончанием института, все в жизни вдруг сделалось для Саши смутным, непонятным и противоречивым. Она собиралась сдавать в аспирантуру и знала, что при содействии Комарина сдаст непременно; знала также, что скоро выйдет за него замуж, но ни то, ни другое не радовало ее, и она чувствовала какое-то смятение, словно готовилась

совершить что-то дурное и нечистое. Она подзревала, что Комарин не любит ее, что просто для него наступило то время, когда человек, не женившийся в молодости, думает: «А ведь пора жениться, пора устраивать семейную жизнь...». Он нравился ей, как нравился большинству студентов, принимавших его тактичное заигрывание с ними за искреннее простодушие и доброту, но любви — она ясно понимала — не было ни у нее, ни у него. И ей становилось нестерпимо жаль свои юные мечты о любви, свои волнующие раздумья над книгами о ней, свои девичьи, чистые, сокрытые от всех на свете ожидания этого таинственного счастья. Кроме того, она была убеждена, что ученым, как и поэтом, музыкантом или художником, нельзя стать без достаточных к тому оснований. Этих оснований она не находила в себе, и ей казалось, что, поступив в аспирантуру, она будет незаконно занимать место, которое по праву должно принадлежать одаренному и трудолюбивому человеку.

Все было для нее одновременно мучением и радостью, сомнением и верой, все сбивало с толку. И если она казалась веселой, как было на выпускном вечере, то все равно ни на минуту не прекращалась в ней трудная тайная работа, приводившая ее в конце концов все к тем же мыслям.

— Нет, нет, я пойду домой! — решительно сказала Саша, освобождая плечи от руки Комарина.

Она осталась одна и была рада этому. Ночью прошел дождь. Налетая короткими порывами, ветер еще трепал обмытую листву тополей, но было тепло, и от асфальта поднимался пар. Саша никогда не видела города в такой ранний час и теперь думала о том, что хорошо бы вставать каждый день рано, чтобы встречать рассвет. Пустынные, тихие и оттого как-то непривычно новые были в этот час и улица и дом, где она жила с детства. Спит за этими деревянными стенами милая, смешная мама, деятельная общественница, председатель уличного комитета. По утрам, прихватив набитый бумагами, вытертый до белых пятен портфель без ручки, она стремительно пробегает через двор и до обеда успевает побывать в исполкоме городского Совета, в редакции, в заводских и фабричных комитетах профсоюзов, где у нее всегда находятся неотложные дела и где, украдкой посмеиваясь над ней, все же побаиваются ее бурного натиска. Спит отец-пенсионер, бывший бухгалтер, а теперь неистовый садовод, до самозабвения влюбленный в каждую ветку своего сада. И только квартирант, корреспондент областной газеты Дима Платонов, как всегда, конечно, не спит, и теперь Саше видно через окно, как он, сидя за столом, заваленным ворохами бумаг и газетных подшивок, быстро пишет что-то, а над ним горит уже ненужный свет. Дима пишет по ночам роман, утром бежит в редакцию, спит неизвестно когда, и поэтому вид у него несвежий, утомленный.

Когда хлопнула калитка, он поднял голову и увидел Сашу.

— А-а, — сказал он, потягиваясь, — здравствуйте, тетя Саша! Что, уже утро? Все благовоспитанные девицы в такое время должны спать, а вы?..

— Бросьте, Дима! — перебила его Саша. — Лучше молчите, потому что со мной вы ни

когда не говорите серьезно — точно с подростком... Вот и зовете меня то ли шуточно, то ли насмешливо — «тетя Саша».

Она не вошла в дом, села в саду на лавочку и стала смотреть, как внизу по тусклому зеркалу водохранилища тек туманец, окрашенный невидимым за облаками солнцем в какой-то жидко-чернильный цвет, а из этого тумана торчал почти неподвижный клин паруса спортивной яхты. Саша любила и этот простор, сильную массу воды там внизу, под садом, и папин сад, и подгнившую лавочку, но давно уже как-то перестала замечать их, занятая своими мыслями, и теперь с жалостью к себе подумала: «Ах, неужели что-то ушло и теперь всю жизнь будет так скверно? Что же это такое со мной?»

Сзади подошел Дима, постоял и сказал:

— Между прочим, день нынче серый, а теплый. Типично летний день. Осенью таких не бывает, осенью воздух совсем другой, — и было видно, что сказал он это просто так, а думает совсем о другом.

— Вы, конечно, не затем вышли, чтобы сообщить мне это тонкое наблюдение над природой, — съязвила Саша.

— Ах, милая вы моя! — Дима обошел вокруг лавочки и тоже сел. — Конечно же, не затем. Я хотел доказать, что могу говорить с вами серьезно. Видите этот белый парус?

Он указал вниз, туда, где туманец над водой уже рассеялся и в ее стальном свете продолжала плыть яхта, неясно серея своим парусом.

— И вовсе он не белый, а серый, — недовольно сказала Саша. — Все якобы белое имеет оттенок окружающей среды.

— Не все ли равно! — усмехнулся Дима. — Просто у вас кислое настроение. А я вот знаю, что он белый! В студенческие годы я сам ходил на яхте в Химках. Для меня, крестьянского парнишки-сироты, сесты в яхту и полететь под этим белым крылом было больше, чем сказкой. Я летел в какую-то новую жизнь, к чистым горизонтам и сам чувствовал себя птицей с белыми крыльями. С тех пор парус кажется мне каким-то символом порыва и ясной цели, словно именно он вынес меня к ней.

— У вас ясная цель?

— Еще бы!

— Врете!

«Что я говорю! — спохватилась Саша. — За чем?»

Дима внимательно посмотрел на нее.

— Да что с вами сегодня такое? Вы возбуждены... Чего доброго, плакать начнете. А этого, скажу заранее, я терпеть не могу, рассержусь и буду кричать на вас. Так что не советую.

Чувствуя, что сейчас действительно расплещется, Саша встала и быстро пошла к дому, по привычке оправляя платье.

В комнате ей была уже приготовлена постель, а на столе стоял стакан молока, покрытый куском хлеба.

Эта столь обычная мамина забота почему-то тронула и размягчила Сашу, открыв выход давно накопившимся слезам. Она отщипнула крошку хлеба, но вдруг губы у нее запрыгали, к горлу подкатился упругий комок, и она кинулась лицом в подушку.

2

В воскресенье пришел Комарин. Сергей Дмитриевич — Сашин отец — сразу засуетился, стал приглашать гостя к столу и в который уже раз показывать ему свой сад. Сад был действительно хорош. Он радовал глаз сочной зеленью шаровидных крон, крепкой статурой побеленных стволов и отличался той разумностью планировки, какая присуща садам не просто любителей, а только знатоков своего дела.

Саше всегда было стыдно за отца, который явно заискивал перед Комариным. Она поспешила увести Комарина в городской парк. Там былолюдно, душно и нестерпимо пахло от гуляющих духами.

— Скоро у меня начинается отпуск, — сказал Комарин.

И Саша поняла его так: «Вот тогда мы пожемимся, потом, может быть, поедим куда-нибудь».

Она сбоку посмотрела на него. Судя по добротной полноте во всем теле, по солидной, медлительной походке, он был уже немолод, но имел маленькое невыразительное лицо подростка и благодаря такому сочетанию выглядел несколько нелепо.

«Нет, лучше не думать ни о чем,— решила Саша.— Лучше не думать...»

Домой она вернулась за полночь. Дима, как и всегда, сидел у открытого окна — работал. — Дима,— позвала Саша, садясь на подоконник,— я вам не мешаю?

Он нехотя положил перо и крепко потер лицо руками.

— Признаюсь честно, помешаете, тетя Саша.

— Дима, милый,— сказала она умоляюще,— я хочу поговорить с вами... Мне нужно.

— Ну ладно, лезьте в окно, будем разговаривать. Только предупреждаю: двадцать минут, не больше.

И он показал два толстых пальца, измазанных чернилами.

Когда Саша попадала в его комнату, в которой все, словно нарочно, было приведено в хаотическое состояние, то она недоумевала, как можно жить так неуютно, неустроенно и беспорядочно. Порядок был, очевидно, органически несвойствен Диме. Он встречал в штыки всякую попытку придать комнате благообразный вид, и когда находил в ней какие-нибудь перемены, то сердился и кричал на маму:

«Я же предупреждал, просил вас не трогать ничего на столе! Можете, сколько угодно, хоть до дыр, скрести ваш пол, но не смейте прикасаться к столу! Это мои вещи, мои, мои, понимаете? Могу я в конце концов иметь свои вещи, которые бы никто не трогал?! Где вот прикажете искать теперь «Справочник председателя колхоза?»»

И хотя «Справочник» лежал на видном месте, Дима, отыскивая его, начинал ворошить на столе бумаги, пока не приводил все в прежнее хаотическое состояние.

— Вот что,— сказал он Саше,— давайте пить чай. Чайник на плитке.

— Неужели, Дима, вас удовлетворяет такая беспорядочная жизнь? — спросила Саша, ставя чайник на свободный краешек стола.— Скажите по совести, а?

— Гм... Не знаю, тетя Саша,— сказал он, и по удивленному выражению лица было видно, что он никогда не замечал, на чем он ест, где спит и кто сидит с ним за столом: его родные и близкие или просто случайные посетители закусочных и столовых.

Они выпили по стакану жидкого чая.

— А теперь бай-бай. Двадцать минут прошло,— сказал Дима.

— Подождите еще минутку! Скажите, вы хорошо знаете Комарина?

— Вашего, так сказать, жениха?

— Дима!

— Ну, не буду, не буду! Нет, не очень хорошо.

— Ну все-таки скажите, что он за человек, на ваш взгляд?

Дима подумал немного, щуря глаза.

— Знаете, есть люди, как головешки: что-бы они горели, их колотить надо. Вот он такой.

— Дима, я же просила говорить со мной серьезно! — взмолилась Саша. — С вами нельзя разговаривать, я пойду.

— Нет уж, слушайте,— требовательно сказал Дима, удерживая ее за рукав.— И вообще он не ученый, ваш Комарин, если хотите знать, а самый типичный схоластик. Вот уже десять лет он копается на институтских делянках, зарылся в них, а живого дела не знает. Попомните мое слово, я скоро доберусь до него и отщелкаю в статье в назидание другим, и вам в том числе. Не обижайтесь, пожалуйста! Вы тоже собираетесь стать ученым, а ведь жизни-то вы не знаете и поэтому, уверяю вас, будете работать без души. Можно ли вложить душу в дело, если не знаешь толком, нужно ли оно в жизни, пригодно ли к чему-нибудь, принесет ли оно пользу? Нет, тетя Саша, без знания жизни ваша наука — ветошь, мертвечина... Тьфу — вот что такое ваша наука!

От этих, казалось бы, обидных слов Сашу вдруг словно обдало сладкой тревогой: она закрыла лицо руками и тихо ахнула.

— Ну, что вы, тетя Саша! Что с вами такое? — смущенно сказал Дима и погладил ее по голове; ему, очевидно, показалось, что она плачет.— Не хочется вам замуж за Комарина выходить, да?.. Какая-то вы сложная, право! Для других, посмотришь, все как-то проще решается. Любите — выходите, а не любите — не выходите. Ни в коем случае не выходите, тетя Саша, если не любите! — сказал он вдруг с необычайной страстностью.— Не губите вашу молодость! Вы даже не знаете, сколько заложено в ней драгоценного! Мне тридцать, и это уже возраст, во всяком случае не молодость. И только теперь я начинаю познавать ее настоящую цену, тетя Саша. Мне вот часто вспоминается, как я начинал писать в газету... Мы тогда снимали с товарищем прескверную комнату на углу Шмидтовской и Пролетарской; жили черт знает как, иногда впроголодь, а теперь, в воспоминаниях, это трудное время почему-то волнует меня, и становится даже жалко, что его уже нет... И это потому, тетя Саша, что его освещает молодость. И еще потому, что я любил тогда и занимался делом, о котором знал, что оно нужно и полезно. Вот так...

Он замолчал и, очевидно, сконфузился своей слишком интимной речи, стал шелестеть на столе бумагой.

Как все, что говорил он, совпадало с ее мыслями, именно с теми мыслями, которые она считала лучшими в себе и за которые уважала себя! Ей захотелось быть одной, сосредоточиться, заглянуть еще раз в себя. Это она умела делать только в своей комнате, лежа в постели и глядя в непроницаемую темноту, когда все мысли были собраны и ничто не нарушало их хода.

— До свидания, Дима,— сказала она.— Откройте мне дверь. Не могу же я лазить в окно — это смешно в конце концов!

Она долго не спала и, кажется, второй раз в жизни встретила рассвет.

3

Уезжая в районный центр Белокаменск, Саша прощалась не только с мамой, папой, институтскими подругами, но и со всем, что было дорого ей с детства: с тихой улицей, откуда она ездила в институт на автобусе, со своей комнатой, с папиным садом.

На вокзал приехали всей семьей, не было только Димы, который в эту ночь дежурил в типографии. К вокзалу вела широкая длинная лестница; там, внизу, кричали на разные голоса паровозы — это рождало какое-то возбуж-

дение, — и все говорили громко, смеялись отрывисто. Отец щурил насмешливо глаза и говорил:

— Держу пари, что ты прискачешь через месяц обратно. Тогда и на порог тебя не пустим. Правильно, мать? Взглян за гуж, не говори, что не дюж!

Он крепился, чтобы не уронить слезу, и Саша, видя это, была полна каким-то детским жалостливым чувством к нему, которое не покидало ее с утра, когда отец, застав ее в комнате одну, обнял и сказал:

— А может быть, правильно... Поезжай, поживи, поработай. Может... — и уткнулся ей в плечо.

Подошел поезд. Начали прощаться, мама заплакала, чмокнула Сашу в губы и сказала:

— Не забывай нас... — и зачем-то прибавила: — А помнишь, как я тебя драла маленькую, когда ты цветы под окном топтала?

Внезапно налетел Дима. Он был в расстегнутом плаще, без шляпы, на щеке у него темнел мазок типографской краски.

— Успел! Здравствуйте... то есть прощайте!

Но больше ничего сказать ему не удалось: ударили звонки. Саша стала у окна; поезд плавно, почти незаметно тронулся, и вот уже все, все закрыл собою тяжелый, крепкий пакгауз, тускло освещенный пыльными лампочками в проволочных сетках...

Прошел год. В августе Сашу вызвали в областное управление сельского хозяйства, и она обрадовалась случаю побывать дома. Дело, ради которого она долго ждала главного агронома, оказалось пустяковым и вовсе не требовало ее приезда, особенно в такую горячую пору. Был уже вечер, Саша хотела есть, очень устала и чувствовала, что у нее нет сил ехать домой в переполненном автобусе.

В летнем кафе под парусиновым тентом, куда она часто забегала в дни экзаменов, Саша села за стол и по привычке студенческих лет заказала бутылку кефира. Было тепло, тихо, и на колоннах института, стоявшего особняком напротив кафе, лежал мягкий розовый отсвет заката. Должно быть, шли приемные экзамены. Несмотря на поздний час, из дверей то и дело выходили молодые пареньки, девушки — все с книгами в руках, и Саша смотрела на них чуть покровительственно и грустно. Быть может, иных несет сейчас к ясной цели их белый парус, другие, как она, идут наугад и ощупью, но пусть они все, непременно все найдут верную дорогу...

Саше вспомнилось, как тяжелы, но вместе

с тем отрезвляюще для нее были первые дни работы участковым агрономом.

Прежде всего Саша увидела, что многое из того, чему ее учили в институте, ей совершенно не нужно, и, наоборот, до резки нужно то, о чем она не имела никакого представления. Саша с сожалением думала о днях учебной практики, когда она занималась исключительно научной работой — изучением почв, растений, удобрений — и не приглядывалась к организации производства в колхозах. Она, например, знала, что в октябре должна быть закончена молотба, но в двух отстающих колхозах ее участка собирались молотить и в январе и даже в феврале, и когда она задумывалась о причинах этой задержки, то они представлялись ей в виде непрерывной цепи: выходило, что дурно сработавшая на заводе деталь комбайна, вышедшая из строя, задерживала на какую-то долю времени молотбу в колхозе «Маяк», «Авангард» или «Достижение». И Саше казалось, что стоит только всем людям делать свое дело добросовестно, как многое из того, что мешало им, создавало трудности, осложняло их жизнь, сейчас же и навсегда исчезнет.

В своей работе она стремилась так и поступать, но, видно, одной добросовестности было мало, работа все равно не ладилась, и это было для Саши источником постоянного страдания... А тут еще начались затяжные дожди! И, как обычно, в колхозах оказались непокрытыми токи, не подготовлены амбары, не отремонтированы зерносушилки. Из райкома приехал уполномоченный — бойкий молодой человек, имевший такой самоуверенный вид, что он, думалось, сейчас запретит дождь, и все уладится. Он горячо доказывал то, что всем было известно: что темпы хлебозаготовок снижать нельзя, что нужно и можно молотить при любой погоде, но вопреки его доказательствам молотилки на токах стояли, не проворачивая мокрый хлеб, а темпы снижались. Саша металась из одной бригады в другую, похудела, у нее как-то остро блеснули глаза, и в выражении лица проступило ожесточение. Бухгалтер колхоза «Маяк» Пеленкин, живший в деревне из-за болезни легких, жаловался ей:

— Места здесь, Александра Сергеевна, красивые, а народ среди этой красоты живет грубый. Взять, к примеру, мой штат. (В бухгалтерии сидели, зевали, терли шуршащую щетину на подбородках рыжие парни, бледные от недостатка солнца и воздуха.) Матерятся, курят, хотя я неоднократно говорил им, что никотин для меня яд. И уж если жить здесь, Александра Сергеевна, то, поверьте мне, надо или самому огрубеть, или, как я, замкнуться в своем интимном мире, бдительно охраняя его от постороннего вмешательства.

В один из дождливых дней, когда от порыва холодного ветра ныли провода и в окнах дребезжали стекла, Саша была на заседании правления колхоза «Маяк». Этому колхозу долго и упорно не везло с председателями. За послевоенные годы их сменилось очень много, а удачного так и не нашлось ни среди своих деревенских, ни среди тех, кого привозил откуда-то и рекомендовал секретарь райкома. В прошлом году председателем стал смиренный, задумчивый и честный Федор Оладышкин, и все были рады уже тому, что он не пьет.

Саша заметила, что семенное зерно в этом колхозе засыпают в дырявые амбары, и теперь с возмущением говорила об этом на заседании. Это зерно должно было дать первый в ее жизни урожай, и она думала, что все возмутится вместе с нею и немедленно примут надлежащие меры. Но пока она говорила, смиренный, задумчивый Оладышкин смотрел в сторону, вздыхал, жмурился и, видимо, ждал только, когда она кончит.

— Ну досуг ли амбарами-то теперь заниматься, Александра Сергеевна? — плаксиво сказал он. — Молотить ведь надо!

И все дружно зашумели, подтверждая, что амбарами, действительно, заниматься некогда, а надо молотить.

Саша с гневным лицом повернулась к главному агроному МТС — своей тезке Александре Сергеевне Широковой: «Ну хоть вы-то подержите меня!»

Широкова — крупная женщина в кирзовых

сапогах и мужском пиджаке — устало поднялась со скамьи и спокойным громким голосом сказала:

— Видела я эти амбары. Не нужно никакого аврала объявлять. Всегда вы, молодежь, кипятитесь сверх меры. Там работы двоим мужикам на три дня, не больше... Им ведь на самом деле молотить надо, Александра Сергеевна. Зачем же авралы устраивать? Дашь, Оладышкин, двух мужиков?

Оладышкин охотно согласился, а Саша с досады на себя, со стыда перед колхозниками, от обиды на Широкову вдруг расплакалась и выбежала вон из правления.

— Вы еще наплачетесь у них!.. — вздохнул ей вслед Пеленкин из темноты коридора.

Широкова догнала ее на своем «газике» по дороге в МТС. «Газик» был плохо крыт дырявым брезентом, насквозь продут ветром и весь облеплен грязью. За рулем сидела сама Широкова. Она остановила машину, вышла и загородила Саше дорогу своим массивным телом.

— Потолковать с тобой хочу.

Саша опустила глаза с таким видом, точно хотела сказать: «Ну что ж, вы начальство, я подчиняюсь, но вообще-то толковать нам не о чем».

— Ох-хо-хо! — вздохнула Широкова, втискиваясь в машину. — Перво-наперво хочу сказать тебе, дочка, о деле. Всегда приходи к колхозникам с точным предложением. А чтобы сделать его, надо знать реальную обстановку в каждом колхозе, а не повательные кампании проводить. Мало сказать — ремонтируйте амбары. На это они резонно ответят, что им надо молотить. А ты скажи точно: дайте двух человек на три дня, чтобы отремонтировать амбары... Вот так. А теперь — о тебе. Зачем в МТС-то шла? Домой у директора проситесь? Эх, милая! Становись на верную дорожку смолоду. Широкова опять остановила машину и, держа одну руку на баранке, другой обняла Сашу за плечи. — Смотришь ты на меня и, наверно, думаешь: бабища, ей бы только день долой да за мужа завалиться... Ну, да я и вправду простая, без выкрутас. Но поговорить с тобой могу не только про амбары, и ты меня слушай. Замечаю, часто бросаешься модным словечком «бороться». Борьтсья за хлеб, борьтсья за план, борьтсья за урожай... А с кем борьтсья-то, милая? С колхозниками? Вот и работаешь так, словно они недруги тебе. Приезжал к нам намедни лектор и весь вечер долдонил: народ, народ, народ! И выходило у него это так, словно народ-то бегал где-то за стенкой, а мы сидели в клубе рядом да толковали о нем ладком. А по мне, ежели ставить так, что вот — я, а вот — народ, то грош тебе цена, как тому лектору.

Саша слушала, комкая в кулаке платочек и не глядя на Широкову. Свой приезд в деревню она и впрямь расценивала как жертву, как подвиг, и теперь ей было стыдно перед этой женщиной, которая так быстро и верно разгадала ее. И все же как ни грубовата и резка во всем была Широкова, что-то теплое, как мамина забота, тронуло в ее словах Сашу.

— Какая вы умная, какая хорошая, тетя Саша! — сказала она и, обняв ее, поцеловала в

мокрую щеку. — Тетя Саша! — счастливо засмеялась она. — Так звал меня один хороший человек. Можно я буду звать вас так?

— Хоть горшком назови, только в печку не ставь, — смущенно сказала Александра Сергеевна.

И, вспоминая теперь о ней, Саша сама, того не замечая, улыбалась спокойно, приветливо, как улыбаются другу.

Она не сразу увидела Комарина, который вошел в кафе и направился к ней, лавируя между столиками. Как и всегда, он выглядел несколько нелепо: был одет в летний полотняный костюм и держал в руке соломенную шляпу, а кончик носа и уши у него были красными, и поэтому казалось, что он бежал по морозу, озяб и дрожит.

— Ну, как вы устроились? — спрашивал он, пожимая ей руку и присаживаясь к столу. — Я слышал, вы в Белокаменском районе. Очень интересный район.

Сашу неприятно резануло слово «устроились», хотя, может быть, он и не хотел придать ему дурной смысл. А в слова «очень интересный район» она просто не поверила, потому что подозревала, что Комарин никогда не был там и знает о районе только из местных газет. И вообще чувство недоверия было теперь ее основным чувством к нему. Она знала, что он очень скоро после ее отъезда женился, и, значит, она не ошиблась раньше, думая, что он не любит ее, а просто приспела для него пора обзаводиться семьей.

— Читали, как ваш сосед Платонов ополчился на меня в газете? — спросил Комарин. — Терпеть не могу, когда люди лезут не в свое дело! Ведь он же ничего не смыслит в науке...

Но Саша не верила и в его науку. Он работал над клеверами и называл эту работу «проблемой клеверов», но даже не знал, что в ее колхозе «Достижение», где убирают прекрасный клевер, эту проблему давно уже решили.

Саше хотелось бы посидеть в кафе еще, отдохнуть, вспомнить об институте, о друзьях, но Комарин мешал, задавая какие-то незначущие вопросы, и, расплатившись, она поехала домой.

Там ничего не изменилось. Мама, встретив Сашу в кухне, сказала:

— Боже, как ты похудела!

И заплакала.

Саша прошлась по саду. Уже стемнело, воздух похолодел, стояла глухая тишина, очевидно, перед дождем, и когда с яблони упало яблоко, то было слышно, как оно стукнулось о землю. Но внизу открытое со всех сторон водохранилище еще было сплошь залито оранжеевым светом низкого солнца, и, словно подожженные его лучами, оранжевы были паруса спортивных яхт, скользящих к причалам. Уже несколько раз Саша выглядывала на окно в комнате Димы — оно не светилось. Тогда из ближайшего магазина по телефону-автомату Саша позвонила в редакцию, и там ей сказали, что Дима уехал в командировку в Белокаменск.

«Вот какая досада!» — подумала Саша.

И ее вдруг охватило беспокойство за все начатые и неоконченные дела, и появились все те мысли, которые бьют у людей «больных» своим делом, о том, что без нее не сделают то, что нужно, напутают, забудут, — и ей захотелось поскорее уехать. И спала она беспокойно, несмотря на то, что очень устала, и весь уют ее комнаты, о котором она не раз вспоминала, остался для нее незамеченным, не растрогал и не разнежил ее.

Утром она уехала. В Белокаменске ей сказали, что корреспондент Платонов спрашивал о ней и теперь поехал в колхоз, но в какой, точно не знали.

Семь километров от станции Саша шла ночью, в сплошной темноте. Дорога лежала через лес, в нем горячо пахло смолой, было очень тихо. Чувствуя едва уловимый запах осени — запах гнилого мха и жухлого листа, — Саша подумала: «Скоро опять начнутся дожди, самое тяжелое, беспоконное время... Надо настаивать, чтобы в колхозах строили крытые токи...»

Она думала так, и постепенно привычные, повседневные мысли совершенно поглотили ее, и вся эта поездка и встречи с Комариным, с мамой, с отцом показались ей коротким, легким сном.

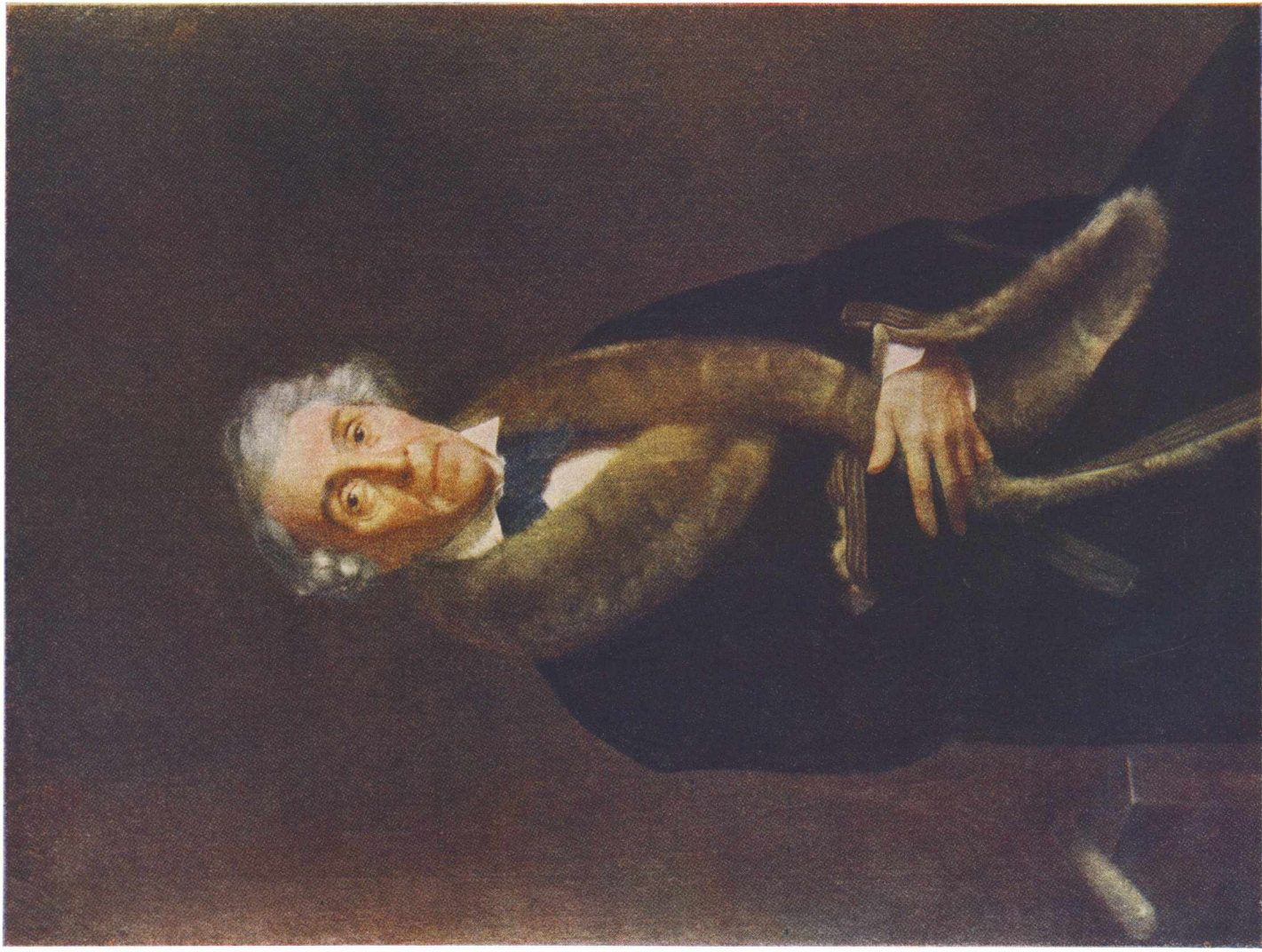

И. К. Айвазовский (1817—1900). ВОЛНА. 1889.

Государственный Русский музей.

О. А. Кипренский (1782—1836). СКУЛЬПТОР ТОРВАЛЬДСЕН. 1833.

С. К. Заряноко (1818—1870). ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА Ф. ТОЛСТОГО. 1850.

Государственный Русский музей.

Хорошо ли вас
обслуживают?

Быстро, просто, удобно...

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото О. КНОРРИНГА.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

С некоторых пор в ленинградских магазинах все чаще стали появляться люди, которые к товарам не прицениваются, ничего не заказывают, не покупают: они стоят у прилавков, ходят по залам и с интересом ко всему присматриваются. Не торопятся объявлять их праздными зеваками. Нет, напротив, это деловые люди: директора магазинов и трестов общественного питания, начальники управлений торговли, товароведы, продавцы крупных универмагов.

Редко выдается такая неделя, чтобы ленинградцы не принимали у себя работников торговли Сибири, Урала, Донбасса, Алтая, Рязани, Воронежа. Люди эти дотошные, хотят все посмотреть, увидеть и обо всем расспрашивают: о витринах, вывесках, оборудовании прилавков, раскладке товаров, технике торговли, порядке обслуживания покупателей, штатах, денежных оборотах.

Так ли уж образцово организована торговля в Ленинграде, что сюда едут за опытом из дальних и ближних областей и краев? Конечно, далеко не во всех семи тысячах «торговых точек» дело поставлено хорошо. И, тем не менее, кое-что полезное можно позаимствовать: за широкое внедрение новых, прогрессивных форм торговли ленинградцам вручен Диплом первой степени Министерства торговли Российской Федерации.

Вот и сегодня в особняке на Адмиралтейской набережной, где разместилось Главное управление торговли Ленгорисполкома, гости: работники управления рабочего снабжения Кемеровского совнархоза, инспектора общественного питания Кузнецкого металлургического комбината, орс треста «Киселевскуголь». Они несколько дней провели в Москве и по совету министерства поехали в город на Неве. Вместе с товарищами из Кузбасса мы и отправились в магазины, кафе, ателье, столовые, закусочные-автоматы...

На Невском заглянули в первую попавшуюся на пути «пирожковую». Светлый зал, удобные мраморные столы на металлических ножках сразу привлекли внимание сибиряков:

— Такие и мы можем делать. Где-где, а у нас мрамора и металла хватает.

Кто-то уже открыл тетрадь и стал вычерчивать схему.

На прилавках под стеклом — большой ассортимент кулинарных изделий: пирожки со свежей капустой и яйцом, с творогом, джемом, мясом, пирожки с саго, маком, кулебяки с рисом, ватрушки, фирменные пирожки с запеченной сарделькой. Продавщицы наливают в стаканы чай, кофе, какао, в чашки — мясной бульон, сами получают деньги. С восьми утра и до десяти вечера в «пирожковой» многолюдно, но торговля идет без задержек, долго ждать не приходится.

Гости надевают халаты и идут за прилавок, на кухню, где пекут пирожки. Помещение небольшое, и это вызывает удивление кемеровцев.

— Десять тысяч изделий в день! Молодцы! Экономно используете площадь. А какой штат?

— Двенадцать человек.

— Хорошо!

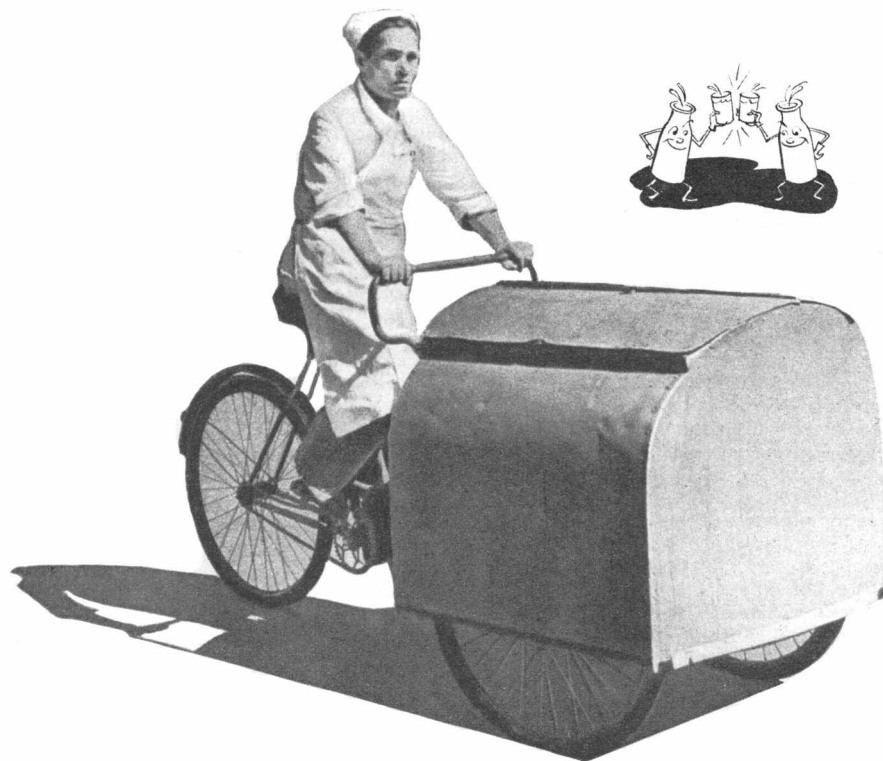
С Невского — на улицу Желябова. Сквозь широкое окно виден непрерывно действующий «пышечный» автомат. Рядом стоит в белом халате и колпаке девушка. Она ловко подбирает выбираемые автоматом на противень румяные пышки и передает их в зал. Вверху на стекле надпись: «Всегда горячие пышки».

— Живая реклама! — замечает кто-то из кузбассовцев. — Глянешь в окно и не удержишься, чтобы не зайти.

Заходим. Маленький зал. Кухня, где готовят тесто, совсем крохотная. Однако тут продают за день несколько тысяч пышек. Люди, идущие в универмаг — он по соседству, — обязательно зайдут съесть пышку и выпить стакан кофе, а заодно полюбоваться, как Женя Васильева управ-

Здесь всегда имеются горячие пышки.

Ранним утром А. Кавелин «сездает» свой трехколесный велосипед.

ляет автоматом, где в кипящем масле на глазах у покупателей аппетитно румянятся кружки теста.

В этот же день гости побывали в блинной и в пельменной. Они тоже невелики, здесь подчас бывает тесновато. Но зато готовят вкусно.

Ранним утром Алексей Алексеевич Кавелин «сездает» трехколесный велосипед. Надо поскорее успеть доставить молоко в сто квартир — одним к восьми утра, другим — часом позже, а некоторым к полудню. Заказчики — на набережной Карповки, на улицах Чапыгина, Песочной. Три — четыре раза приходится возвращаться в магазин за свежим молоком. Нелегко иной раз бывает: кто на пятом, кто на шестом этаже живет. Но зато приятно, когда все довольны и благодарят.

Здесь продают пищевые концентраты.

В подъездах Алексей Алексеевич часто встречает своих коллег из булочных. Несут свежий хлеб, булки, бублики. Молоко и хлеб доставляют на квартиры уже 220 ленинградских магазинов.

Пищевые концентраты купишь чуть ли не в каждом бакалейном магазине. Но в магазине на улице Бродского имеется весь ассортимент концентратов, выпускаемых в стране: борщи, вегетарианские и мясные, разнообразные супы, всевозможные каши, кисели, пудинги, омлеты, сухие фруктовые напитки...

Выбрав облюбованный концентрат, домашние хозяйки могут за десять — пятнадцать минут приготовить обед из трех блюд. Неизменным успехом пользуются так называемые «взрывные зерна», — особенно воздушная кукуруза. А из «взрывного» риса,

если добавить масло и сахар, получается прекрасный грильяж.

Немало еще сомневающихся: а каков он на вкус, борщ из концентрата? В магазине это учли. Повар Ольга Ивановна Белозерова в присутствии покупателей тут же превращает концентрат в аппетитную кашу или борщ.

— Попробуйте! Вкусно? Ну вот, а вы сомневались!

О популярности магазина свидетельствует его устойчивый ежемесячный трехмиллионный оборот.

Во многих булочных Ленинграда можно выпить горячий кофе и съесть свежую булочку.

У входа в магазин «Гастрономия, бакалея, мясо, вино», что на площади Ломоносова, кемеровцы увидели ящик с надписью «Для предварительных заказов». Если вы утром торопитесь на завод, а магазин еще закрыт, опустите в этот ящик записку — закажите к определенному часу все, что нужно, — и к вашему возвращению с работы в штучном отделе будет лежать пакет с продуктами. В кассу обращаться не надо: деньги получают здесь же. Если вдруг чего либо из заказанного не окажется, директор пошлет продавца на базу: нельзя уронить честь магазина!

Продавщица Мария Ивановна Соина при нас вскрыла ящик. В нем несколько заказов. Вот один из них: просьба приготовить к 16.30 два килограмма муки, полкилограмма саго, банку лосося, десяток яиц, лимон, свежую говяжью печенку...

— Все будет выполнено!

В доме на улице Маяковского над окнами световая реклама «Пиво».

— Зайдемте?

Голоса разделились: одни согласились сразу, другие стали возражать: «Пивные и у нас есть!». И все же решили зайти.

В зале прохладно. Нет обычного табачного дыма. Тишина. Полумягкая стильная мебель. Не торопясь,

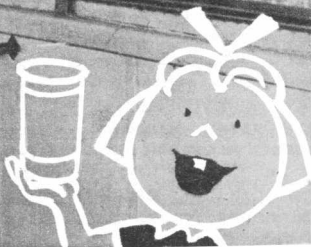
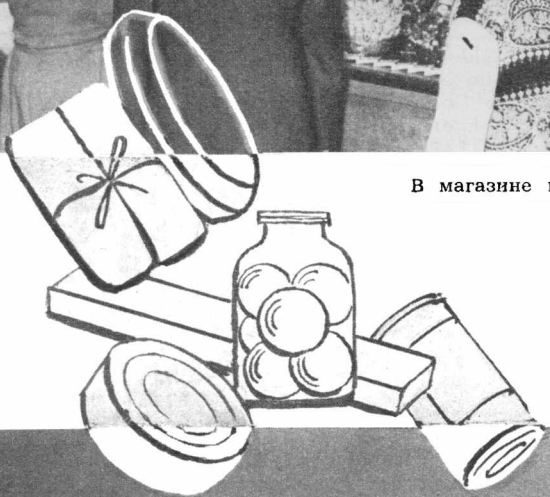

У входа в магазин гости увидели маленький ящичек.

В магазине продуктовых новинок.

люди потягивают из кружек, стаканов, фужеров свежее пиво и просматривают газеты.

— Не только газеты — шахматы и домино требуют, — рассказывает директор Г. Силин. — В домино отказываем: стук пойдет. Шумно. А шахматы — пожалуйста. Шуметь и курить у нас не разрешается.

— А у нас шахтеры любят выпить и крепко затянуться табачком. Что ж за пивная, если и покурить тут нельзя?

— Такие разговоры были и у нас, — отвечает Силин. — Говорят, традиция. А мы традициям наперекор пошли. Швейцар не впустит сюда пьяного. Если кто по старой привычке потянется к спичечному коробку, официант предупредит: «У нас не курят». Пиво здесь всех марок — разливное и в бутылках. Есть и чешское. В такую пивную приятно зайти и с женой.

Алексею Григорьевичу Кочетову из управления рабочего снаб-

жения Кемеровского совнархоза очень понравился магазин продуктов для детей. Тут красочно оформлены прилавки, а образцы изделий в мелкой расфасовке выложены так, что легко ориентироваться: это — малышам до года, это — от года до двух, а здесь — от трех до семи...

А что выбрать? К услугам матерей — описание свыше двухсот продуктов, рекомендуемых врачами. Надо только внимательно просмотреть вот эти щиты, вращающиеся на подставке, — их читаешь, как листы книги. Можно обратиться за советом и к дежурному врачу или продавцу — они тоже дадут консультацию.

— Обязательно откроем такой, — говорит Кочетов, прощаясь с работниками магазина.

Магазин продовольственных новинок — самый молодой в городе. На его прилавках появляются

ся новинки гастрономии, выпускаемые не только в Ленинграде, но и в Москве, Риге, Таллине, Кишиневе. Это своеобразная «лаборатория вкуса». Раз новинки — значит, требуется дегустация. В роли дегустаторов — покупатели. Они и решают, какому товару дать ход, а какой можно и придержать. Отзывы их отсюда рассылают на многие предприятия пищевой промышленности. И, конечно, кто дорожит своей фабричной маркой, тот учтет слово покупателя, тот пришлет свои лучшие новые изделия в этот магазин.

«Шейте сами!»

Эта вывеска на одном из зданий Литейного проспекта появилась недавно. Женщины Ленинграда быстро оценили интересное новшество. Еще бы! За недорогую плату можно приобрести красивые платья. Они поступают сюда из Апраксина двора, где в специальном цехе по трафаретам художников-модельеров кроются платья, юбки, сарафаны, кофты разных фасонов. Заготовленный крой расфасовывают в пакеты. Если модель сложна, крой сметывают и на пакете наклеивают рисунок модели. Обладательницам такого пакета остается только прострочить уже сметанное платье на машинке. Особенно в ходу платья из хлопчатобумажных тканей. В магазине «Шейте сами!» они обходятся в 29—33 рубля.

Красный уголок фабрики «Пролетарская победа» быстро превращается в магазин платья и портновскую мастерскую. Приехали товарищи из ателье № 35 треста «Ленинградодежда». Привезли готовые модельные пальто, костюмы, платья, образцы тканей, новые журналы мод. Закройщик пригонит платье по фигуре, манекенщица продемонстрирует новый фасон. Принимаются и индивидуальные заказы.

Ателье находится на Московском проспекте, но оно выезжает и на Выборгскую сторону, и в пригородные колхозы, и в шахтерский город Сланцы.

Блокноты гостей заполняются все новыми записями: о магазинах самообслуживания — их в городе сотни, о кафе в булочных, о том, как в кондитерских торгуют слоеным тестом, о специализированных колбасных и магазине «Всё в дорогу»...

Есть над чем задуматься сибириякам, да и не только им!

«Выездное» ателье на обувной фабрике «Пролетарская победа».

ЖЕМЧУЖИНА НАРОДНОГО ТАЛАНТА

Г. КАРКЛИНЬ

1959 год. «Плутовка» [дерево].

Это было около тридцати лет назад. У витрины одного из колониальных магазинов Риги стояли люди.

— Посмотрите-ка! — дружно восторгались они. — Ведь у этого негра голова сделана из бурака, зубы из репы, а одежда из капустных листьев!..

Во второй витрине красовалась фигура человека во время рыбной ловли. Она также была вырезана из овощей. Выражение лица заядлого рыбака, его поза, рука, крепко сжимающая удочку, — все это с необыкновенной выразительностью и остротой передавало напряженный момент ожидания улова.

— Кто же автор удивительных скульптур? С этим вопросом обратился, войдя в магазин, худощавый мужчина с подстриженными под скобку седыми волосами.

Из-за прилавка вежливо поднялась круглолицая девушка. Она взглянула на посетителя испуганными серыми глазами и поспешно спрятала изрезанную тыкву.

— Напрасно прячете! Я видел превосходную тауту мейта¹.

Незнакомец сперва улыбнулся по-отцовски ласково, но потом вдруг рассердился:

— Ах, неблагодарное создание! Да как вы смеете растративать на пустяки свой талант!

Взгляд посетителя упал на березовый брусок, подпиравший селёдочную бочку.

— Вот вам материал! — Он протянул брусок оробевшей девушке. — Возьмите нож и режьте! Режьте смело! Вдохните душу в мертвый кусок дерева! Заставьте его говорить, двигаться, жить! Тогда ваша работа не пропадет зря, не сгниет; ее не выбросят в мусор...

Уходя, незнакомец отрекомендовался. Это был латышский художник, автор книжных иллюстраций и декоратор Никлав Струнко.

Вот с того самого момента — и уже навсегда — изменилась жизнь Лизы Дзегузе.

... Старательно рассекая перочинным ножом розоватую древесину березового бруска, начинающая художница испытывала волнующее чувство, навеянное детскими воспоминаниями. И под руками ее возникали, как живые, трогательный босоногий пастушок с прутиком в руках... Деревенская девушка, застыдившаяся в момент первого признания в любви... Смешные пляшущие старики... А вот старая крестьянка, сгибающаяся под непосильной ношей... Деревенский делец и пройдоха-лавочник...

Все это Лиза подсмотрела, еще будучи ребенком, в доме своего отца, столяра.

За лето 1936 года Лиза Дзегузе создала более тридцати произведений. Она работала увлеченно, без эскизов и рисунков, сразу же осуществляя все свои замыслы прямо в дереве. Малейшая неосторожность, неверное движение ножа, промах в пропорциях могли погубить вновь рождающуюся скульптуру. Но Лиза необычайно тонко «чувствовала» материал.

Дзегузе заметила, что детские игрушки, продающиеся в магазинах и на рынке, имеют гладкую, полированную поверхность, расписаны цветными красками. Молодая художница тоже попробовала первые свои скульптуры — «Пастушок» и «Кошка с мышкой» — почистить наждачной бумагой и покрыть лаком. Но она тут же испугалась того, что произошло с ее работами, и поспешила смыть лак. Однако следы наждачной бумаги до сих пор видны на этих первых скульптурах, бережно хранимых в маленьком домашнем музее замечательной художницы.

...В октябре 1936 года по инициативе некоторых любителей прикладных искусств в помещении рижского общества «Друзья детей» была организована первая персональная выставка работ народного мастера-самоучки Лизы Дзегузе. Рассматривая композицию «В ночное», размером не более спичечной коробки, изображающую группу пасущихся на лугу лошадей, латышский скульптор Теодор Залькалн сказал об авторе: «Это жемчужина народного таланта...»

Слова его оказались пророческими.

В том же году на двух выставках прикладного искусства в Риге и Лиенае жанровые сценки Лизы Дзегузе были отмечены золотыми медалями. А в 1937 году четыре ее работы: «Пастушок», «Встреча», «Собаколовы» и «Цыганский танец» — удостоились большой золотой медали на всемирной выставке в Париже.

¹ Тауту мейта (латышск.) — девушка в народном одеянии.

Осенью 1937 года Лиза Дзегузе поступила в Латвийскую академию художеств на скульптурное отделение. Дипломная работа Лизы, за которую она и получила звание художницы, называлась «Дорога поколений». Эта работа проникнута глубокой философской мыслью о нестарющей духовной красоте человека. Убеленный сединами старец и юноша с радостным волнением глядят вперед.

Скульптуры Дзегузе радовали людей. От Лизы ждали многого. Но известная скованность, рамки буржуазного академизма не давали возможности талантливому автору довести свой замысел во многих произведениях до подлинно реалистического звучания.

По-новому раскрылась жизнь в творчестве перед Лизой Дзегузе в годы советского строя. С 1945 года она член Союза советских художников Латвии.

1937 год. «Признание на лугу» (дерево).

Теперь работа замечательной резчицы, вышедшей из народа, вся ее тематика тесно связана с жизнью колхозной деревни.

На смену образам обездоленной крестьянки, надломленной непосильным трудом, в произведениях Дзегузе пришел тип новой женщины, для которой жизнь, труд и материнство полны радости.

Большой теплотой и лиризмом проникнуты произведения скульптора, посвященные детям.

Очень обогатило и разнообразило творчество Дзегузе использование керамических материалов: терракоты, майолики, фарфора. Но истинное призвание художницы — это, конечно, по-прежнему деревянная скульптура.

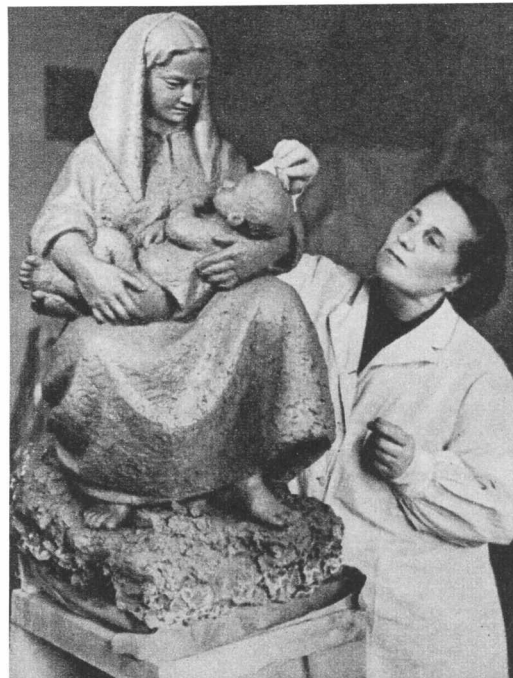
В пятидесятилетнем возрасте Лиза Дзегузе — автор свыше трехсот пятидесяти работ. Лучшие из них украшают залы музеев Латвийской республики, составляя гордость национального художественного фонда.

Художница ведет большую воспитательную, педагогическую работу. Она передает свой богатый опыт и мастерство молодому поколению художников в Рижском училище прикладного искусства.

Лиза Дзегузе хранит не только в своих работах, но и в своем характере лучшие качества юности: скромность, простоту, трудолюбие...

«Счастливая мать». Эскиз. Пока эта работа еще в глине. Здесь мы видим Лизу Дзегузе, работающую над своей скульптурой.

Фото В. Лаврентьева.

ЦЕНА ОДНОГО ЧАСА

М. В. СУТЯГИН,
председатель завкома
завода «Калибр»

Всеобщую радость советских людей и большой трудовой подъем на предприятиях страны вызвало постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС о сроках завершения перевода на сокращенный рабочий день и упорядочения заработной платы рабочих и служащих. Сокращение рабочего дня — это результат великих исторических завоеваний и побед, одержанных нашей страной, гордо шагающей к коммунизму. Советский народ видит в этом постановлении яркое проявление заботы Коммунистической партии о человеке-труженике, строителе коммунизма.

В числе первых предприятий столицы, переведенных на семичасовой рабочий день, был инструментальный завод «Калибр». Председатель завкома этого предприятия М. В. Сутягин рассказал корреспонденту «Огонька» о том, что получили рабочие и служащие от перехода на семичасовой рабочий день, как улучшились условия их труда и жизни и каких успехов добилось предприятие за последний год.

«Калибр» перешел на семичасовой рабочий день постепенно, цех за цехом. Это было своего рода соревнование, кто из цехов скорее подготовится к новым условиям работы, с тем чтобы выполнить производственное задание не за восемь, а за семь часов, сохранив при этом прежний заработок рабочих.

И это было правильное решение. Только тщательная подготовка каждого участка, каждого цеха гарантирует успех этого мероприятия. На основании своего опыта мы можем рекомендовать и другим предприятиям постепенный переход на семичасовой рабочий день.

Наряду с уменьшением рабочего дня на заводе было проведено и упорядочение заработной платы рабочих и служащих. Всякие ненормальности, когда менее квалифицированные рабочие получали более высокую оплату за свой труд, чем более квалифицированные, были решительно устранены. Расценки ныне построены так, чтобы вызвать у рабочих стремление повышать свои знания, добиваться более высокого производственного разряда.

И вот первое, с чем мы столкнулись: рабочие потянулись к учебе. И хотя учебная сеть на заводе была и до того достаточно широка, ее пришлось еще значительно увеличить. Для людей, не ис-

Смена кончается теперь в половине четвертого.

пытывших перехода с восьми часов работы на семь часов, может показаться, что один час не играет большой роли. На деле это не так. Дополнительный свободный час значительно отражается на жизни, быте и отдыхе трудящихся. Рабочие стали кончать смену в половине четвертого. И часто можно было слышать вопрос: «Неужели уже домой?»

На заводе были организованы курсы для рабочих, инженерно-технических работников. Мастера, которые являются основной фигурой на производстве, были направлены на учебу, в техникум при заводе. Теперь все мастера и начальники цехов, работающие на «Калибре», имеют среднее или высшее техническое образование.

Вот несколько цифр, рассказывающих о том, как учатся калибровцы. Число рабочих, обучающихся в школах рабочей молодежи, возросло вдвое и достигает четырехсот двадцати пяти человек. Если раньше в институтах обучалось семьдесят рабочих и служащих, то теперь — сто пятьдесят человек. Увеличилось и число учащихся в нашем техникуме, и жизнь выдвигает перед нами требование ввести в нем двухсменное обучение: утром — для рабочих вечерней смены и вечером — для рабочих утренней смены.

Переход на семичасовой рабочий день как бы обновил все предприятие. Исчезли нервозность, штурмовщина, завод стал работать более ритмично, отпала потребность в сверхурочной работе. Повышение квалификации рабочих тотчас же вызвало повышение производительности труда, иначе нельзя было бы выполнить за семь часов задание, которое раньше требовало восьми часов!

Но обновление коснулось не только чисто производственных дел: оно потребовало от нас коренных изменений и в обслуживании рабочих. Это сказалось прежде всего на организации отдыха. И вот у подмосковной станции Планерная вырос туристский городок «Калибра», куда получали путевки рабочие с семьями. Каждую субботу можно видеть, как заводские автобусы увозят в наш туристский городок несколько сот рабочих, служащих, инженеров с их женами и детьми.

Большим успехом у рабочих пользуется и ночной санаторий завода. Здесь не только отдыхают после рабочего дня, но и значительно поправляют свое здоровье. Побываем в его палатах, побеседуем с рабочими. Кого мы там

встретим? Федора Ивановича Конавалова, работающего мастером. Он, кроме того, и студент-заочник юридического факультета университета. А вот и старая работница Александра Владимировна Кузнецова. Теперь она оставила фрезерный станок, на котором проработала двадцать лет, и стала кладовщицей. Не ясно ли, что значит для нее уменьшение рабочего дня на целый час?

Из ночного санатория пройдемся по некоторым цехам. Всюду идет речь о постановлении партии и правительства о сроках завершения перевода на сокращенный рабочий день и упорядочения заработной платы рабочих и служащих. Калибровцы радуются, что такие же блага, какими пользуются они сами, распространятся на всех рабочих и служащих нашей Родины. Вы услышите эти разговоры. Такая работница, как, скажем, Мария Ивановна Махрова, мать двоих сыновей, порадует тому, что она может больше времени уделять своим детям; другая работница поведаст, что она записалась в кружок художественной самодеятельности; рабочий похвалится своими рыболовными успехами, расскажет о том, что на заводе создан кружок охотников и рыболовов. «Кончаешь работу, а на улице еще светло, хотя и наступила осень!» — такие восклицания слышишь то и дело.

Мы ощутили не только огромную тягу к учебе, но и тягу рабочих в клуб. Теперь и он заработал по-новому.

Уже стали обычным явлением цеховые массовки за городом, эк-

скурсии то в Горки Ленинские, то в «Ясную Поляну», то в столичные музеи. На заводе своя театральная насса, и спрос на билеты значительно возрос.

Но, пожалуй, больше всего сокращение рабочего дня отразилось на размахе физкультуры: было пятнадцать футбольных команд — стало двадцать две, было двенадцать волейбольных — стало двадцать четыре. На заводе появились баскетболисты, самбисты. Словом, раньше занимались физкультурой пятьсот рабочих, сейчас — почти тысяча.

Вы спросите об их успехах, и это будет законный вопрос. Ответ: никогда в истории завода наши футболисты не завоевывали первенства в районе. А теперь? Представьте себе, что они являются обладателями двух кубков и борются за третий!

Хочется отметить, что в физкультурной работе активное участие принимают члены коммунистических бригад и бригады, борющиеся за право называться коммунистическими. В частности, бригада коммунистического труда, которую возглавляет зачинщик этого движения на нашем заводе Юрий Массан, вся целиком сдала новые нормы на значок ГТО.

Да, один лишний час значит очень много! По-новому работает, по-новому живет.

На улице еще светло, а в клубе уже начались занятия хорового кружка.

Фото О. Кнорринга.

АТОМНЫЙ ИСПОЛИН на Балтике

«Ленин» плывет по Балтике. Лаги атомного корабля отсчитывают первые сотни пройденных миль.

Ледокольному капитану Павлу Акимовичу Пономареву уже более шести-десяти. Но зорек глаз опытного полярника, тверда его рука в управлении атомным кораблем.

Свободные от вахты часы молодой инженер атомной установки Станислав Иванович Дождиков проводит в музыкальном салоне атомохода.

Многое повидала на своем веку хмурая Балтика. Ее воды бороздили и многопушечные фрегаты, и первые пароходы, и нефтеналивные танкеры... От балтийских берегов уходили корабли, прославившие нашу Родину открытиями новых земель. Здесь плавала легендарная «Аврора».

А сейчас в первом плавании по Балтике находится атомный ледокол «Ленин», созданный трудом наших ученых, инженеров и рабочих.

Советские люди страстно желают, чтобы Балтийское море — море многих народов: русских, эстонцев, латышей, литовцев, финнов, поляков, шведов, датчан, немцев, норвежцев — всегда было морем мира.

Солнечным сентябрьским утром капитан атомохода, старый полярник, Павел Акимович Пономарев и главный строитель корабля Владимир Иванович Червяков с ходового мостика подали команду в пункт энергетики и живучести: «Дать обороты!». Там, в центральном отсеке, моряки, одетые в белые халаты, включили сложную аппаратуру, и могучая энергия, рождаемая расщеплением атомов урана, преобразуясь в силу пара, а затем и в силу электрического тока, стала вращать гребные винты ледокола.

Так свершилось одно из замечательнейших событий нашего героического времени — эры завоевания космоса, эры атомной энергии.

Ровно полвека назад Владимир Ильич Ленин, говоря о неисчерпаемых возможностях атома, прозорливо указывал: «Ум человеческого открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней...».

Выход в море атомного исполина, созданного разумом и руками советских людей, — еще одно замечательное подтверждение того, что, следуя марксистско-ленинскому учению о познании тайн природы, наш народ, руководимый Коммунистической партией, уверенно идет во главе научного прогресса.

Народы многих стран назвали наш чудо-корабль «кораблем мира». Всему свободолобивому человечеству по душе слова Никиты Сергеевича Хрущева о том, что советский атомоход, ломая не только льды океанов, но и льды «холодной войны», будет «прокладывать путь к умам и сердцам народов, призывая их совершить поворот от соревнования государств в гонке вооружений к соревнованию в использовании атомной энергии на благо человека...».

Корабль создавала вся страна. Вот почему на его верхних и нижних палубах, в центральном отсе-

ке, в пункте энергетики и живучести рядом с моряками можно видеть рабочих и инженеров не только Адмиралтейского завода — колыбели атомохода, — но и представителей многих предприятий социалистической индустрии, приехавших из Москвы и с Украины, из Белоруссии и с Дальнего Востока...

Мерно бьется атомное сердце корабля. Реакторы, в которых ни днем, ни ночью не прекращается цепная реакция, вырабатывают энергию для нормальной жизнедеятельности ледокола. Весь экипаж, начиная от капитана и кончая трюмным машинистом, тоже опытным полярником, Николаем Афанасьевичем Молчановым, вступил в социалистическое соревнование, посвященное встрече 42-й годовщины Октября.

Главный инженер-механик Александр Калинович Следзюк и другие специалисты корабля с удовлетворением отмечают: атомная установка, все агрегаты работают хорошо. Возведенная вокруг реакторов так называемая биологическая защита полностью исключает проникновение в корабельные помещения каких бы то ни было вредных радиоактивных излучений. Многочисленные дозиметрические приборы неизменно регистрируют нормальную радиационную обстановку на всем ледоколе. На случай каких-либо работ вблизи реакторов моряки обеспечены набором специальных костюмов.

По вечерам оживленно бывает и в судовой библиотеке и в кают-компании. На атомоходе развертывается сеть партийного просвещения, регулярно выпускается радиогазета, начали работать кружки. Певцы, танцоры, музыканты готовятся к концертам художественной самодеятельности. Матросская столовая после ужина превращается то в лекторий для моряков и судостроителей, то в кино-театр.

Моряки и судостроители чувствуют внимание всего народа к первому плаванию атомного богатыря. Корабельная рация принимает радиogramмы с пожеланиями успешного плавания. Одна из них пришла с Волги, от экипажа дизель-электрохода «Ленин». Волжане радиовали полярникам: «Уверены, что вы с честью пронесете бессмертное имя Ленина по всем морям и океанам нашей планеты».

...Развернув могучий корпус против ветра, «Ленин» — корабль мира — гордо возвышается над седыми гребнями осенних балтийских волн.

Ходовые испытания продолжаются.

Н. ДЕНИСОВ

Фото Д. Гасюна.

Борт атомного ледокола «Ленин».

Рисунки
Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Строго воспрещается

С некоторых пор я встаю на полчаса раньше и читаю молитву. Домашние в это время обязаны соблюдать строжайшую тишину, иначе я собьюсь и позабуду какую-нибудь заповедь. А их много. Например: «Не курить. Не плевать. Не сорить. В столовую спиртных напитков не приносить и их не распивать. Неприличных (нецензурных) слов не произносить. В нетрезвом виде не появляться. На выступающих частях троллейбуса ездить строго воспрещается». Заключительные слова молитвы мы все произносим хором: «За нарушение штрафа!»

Звучит ничуть не хуже, чем «аминь».

Нет, в самом деле, товарищи, не слишком ли много появилось в нашей жизни «Правил» и «Обязательных постановлений»? Стоит вам выйти из дому, как тотчас из обыкновенного гражданина вы превращаетесь в потенциального нарушителя и хулигана.

С телеграфных столбов и афишных тумб, со стен зданий, в автобусах и метро, в ресторанах, гостиницах, поездах объявления, афиши и воззвания кричат вам, что вы хам, незяха и вообще не умеете вести себя в приличном обществе.

Вы входите в трамвай, троллейбус или автобус и тут же узнаете, что особым постановлением пассажирам запрещается: а) курить, зажигать спички и зажигалки, б) проезжать в нетрезвом состоянии, в) проезжать на буферах, подножках и других выступающих частях вагонов.

И уж, конечно, строго воспрещается провоз взрывчатых материалов. Нет, вы только подумайте: взрывчатку таскать с собой нельзя! Ни пироксилина, ни динамитных шашек, ни гремучей ртути, ни синь-пороха!

Вы приходите пообедать в ресторан, но прежде чем подать борщ, вам преподадут... нет, не правила хорошего тона, а самые элементарные нормы поведения в быту: «Посетители **обязаны** сдать на хранение в гардероб верхнюю одежду и обувь».

Допустим.

Но этого мало. Слово опасаясь, что вы еще не усвоили этой заповеди, вам тут же внушают: «Посетители ресторана не должны входить в зал в верхней одежде, галошах и ботах». Не должны! Кроме того, не должны

приносить в ресторан закуску и другие продукты питания. Скажем, крупы? Нельзя. Сырой картофель? Ни в коем случае. Как насчет концентратов? Ни-ни-ни! Между прочим, посетители ресторана, оказывается, не должны также «загрязнять помещение окурками, бумагой, остатками пищи и т. п.». А вытирать руки о скатерть можно? В этом отношении авторы «Правил обслуживания посетителей в ресторанах» дали маху.

Так что неизвестно, может быть, и можно.

Вы приезжаете в гостиницу и немедленно узнаете, что **обязаны** бережно относиться к оборудованию, мебели и прочим предметам».

Одним словом, куда бы вы ни отправились, всюду подстерегают вас составленные с оскорбительной дотошностью «Правила» и «Обязательные постановления». Они врываются даже в вашу квартиру.

Однажды ко мне домой пришел суровый управдом и, не говоря ни слова, прибил на стене «Правила пользования жилого помещения»(?), составленные и утвержденные без соблюдения правил грамматики Министерства РСФСР. Прodelав сию операцию, управдом почему-то потребовал у меня расписку и ушел. Наконец-то, наконец узнал я, что **обязан**: а) ежедневно убирать и проветривать помещение, б) не реже одного раза в неделю мыть полы и не реже раза в месяц натирать их, в) иметь у входных дверей половик, г) содержать ванну и уборную в чистоте (но ни в коем случае не разжигать там примусов и не готовить пищи!).

Летний отпуск я решил провести на берегу моря и улетел в Ялту. В гостинице мне предусмотрительно вручили «Правила внутреннего распорядка на городских пляжах» и «Обязательное решение об ответственности за нарушение общественного порядка в городе Ялте и его пригороде».

В своем «Обязательном решении» Ялтинский горисполком строжайше запретил «загрязнение улиц и дворов плевыми и другим мусором», «озорные действия, приставание к гражданам и угрозы», а также многое другое. Особым пунктом возбраняется

Турнир в Загребе

«Бродячий шахматный цирк» — так шутливо называют журналисты матч-турнир претендентов на первенство мира, «гастроли» которого закончились в Бледе, начались в Загребе и предстоят еще в Белграде. В Бледе было сыграно два круга — 14 туров, первая половина грандиозного шахматного соревнования, доставившая участникам много волнений.

Мы покинули зеркальное озеро Блед, горные районы и перенеслись в равнинную Хорватию. Тишина курорта сменялась деловой и шумной жизнью Загреба. Восемь участников «бродячего цирка» приехали в столицу Хорватии с различным настроением. Четыре гроссмейстера — П. Керес, М. Таль, Т. Петросян и С. Глигорич — увезли из Бледа приятные воспоминания и превосходное настроение. Керес стал лидером трудного соревнования и завоевал специальный приз, установленный люблянской газетой «Ела» за лучший результат, достигнутый участниками в игре черными.

Сумеет ли Керес в новой обстановке сохранить свой подъем и свои силы для финальной, решающей борьбы за первое место, покажут ближайшие туры.

У Талья тоже неплохое настроение. Он получает ежедневно десятки писем со всех концов нашей страны.

Петросян выжидает благоприятного развития событий, сохраняя силы для четвертого круга.

Много счастливых минут пережил Глигорич в Бледе. Например, в 13-м туре его положение в партии с экс-чемпионом мира В. Смысловым казалось безвыходным. Чтобы избежать неприятных переживаний в турнирном зале, Глигорич решил отложить партию и сдать ее в гостинице. Однако потом он передумал и продолжал борьбу. И что же? Смыслов, находящийся сейчас в плохой спортивной форме, чуть было не проиграл. Партия закончилась ничью.

Четыре участника покинули Блед с менее приятными воспоминаниями. Это гроссмейстеры Смыслов, Бенко, Фишер и Олафссон. Неуверенность, с которой ведет борьбу Смыслов, приводит к цейтнотам и досадным ошибкам. Конечно, всем хочется понять причину такой неудачи гроссмейстера, и потому нередко в холле гостиницы «Топлице» можно увидеть его, окруженного корреспондентами. Тренер И. Бондаревский заметил, что Смыслов в последнее время делает ошибки на пятом часу игры.

— Надо «отцепить» пятый час, — шутит гроссмейстер Ю. Авербах и рассказывает следующий анекдот: — Один путеец при изучении железнодорожных катастроф заметил, что чаще всего страдают при катастрофе последние, прицепные вагоны. «Не будем их прицеплять, и все будет хорошо», — предложил этот путеец.

В. РАГОЗИН,
гроссмейстер

Загреб. 29 сентября (по телефону).

начиная с 25 мая с. г. (и, видимо, вплоть до особого распоряжения) «произношение неприличных (нецензурных) слов». Впрочем, если вам удастся найти парочку неприличных, но цензурных слов, ваяйте, «произношайте».

Сочинители «Правил» и «Постановлений» глубоко убеждены, что если в один прекрасный день снять все запретительные надписи, человечество разучится пить, есть, разговаривать приличным языком, ездить в автобусах и трамваях. Им рисуется страшная картина: по улицам, площадям и паркам культуры бродят толпы нравственных уродов, которые без устали плюются, вынимая папиросу изо рта только для того, чтобы обменяться парочкой нецензурных выражений или произвести озорные действия. То и дело они хватаются за выступающие части автобусов и троллейбусов, чтобы добраться до ресторана и там в нетрезвом виде поспешно загрязнить помещение принесенными с собой закусками.

Существует даже некий «прейскурант» хамства. Все в нем соизмерено, взвешено, разделено. Раз плюнуть — столько-то. Два раза — столько-то. И кто его знает, может быть, оптовым плетателям делается скидка? Все есть в этом ценнике: и стоимость брошенной окурка, и нецензурной брани, и порчи зеленых насаждений, и появления в нетрезвом виде. В ленинградском трамвае, например, вы можете всю дорогу любоваться специальным прейскурантом, в котором с точностью до копеек подсчитано, во сколько обойдется удовольствие выбить стекло, вышибить дверь или выломать скамейку.

Кстати сказать, в разных городах существует разная такса. Скажем, в одном городе плевков ценится в 3 рубля, в другом

он стоит пятерку, а в третьем — на вес золота. Проезд на подножках и буферах в областных центрах обходится в 3 рубля, а в Москве и Ленинграде — 25 рублей. Предполагается, очевидно, что в столицах существуют только подножки первого класса и буфера-«люкс».

А ведь в самом деле, товарищи, каково воспитательное значение всех этих параграфов, разделов и пунктов различных «Правил»? За кого нас с вами принимают? Ведь если речь идет о хулиганах, то где вы видели пьяного, который, прочитав параграф «76» «Правил обслуживания посетителей в ресторанах», чинно отправится восвояси, ибо он только что узнал, что «лица в нетрезвом виде не обслуживаются...».

Да не подумает кто-либо из «строго запрещающих», что мы вообще против всяких правил и постановлений! Но пусть они (за исключением самых необходимых) хранятся в сумках кондукторов, в справочниках милиционера и шкафах гостиничных администраторов.

Наш совет: —
до обреченья,
не целуй его...
(за нарушение штрафа)

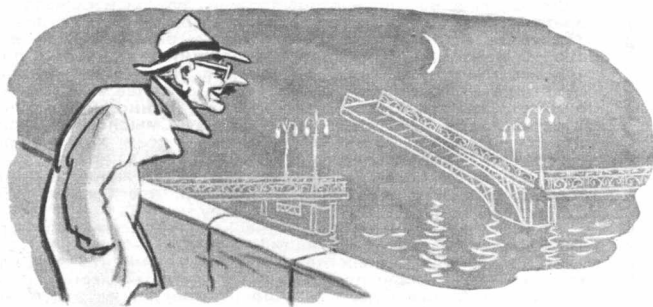

Вова в кино...

...и дома.

Рисунок Н. Лисогорского.

Радость склочника:— Хе-хе, мостик-то разводится со своей половиной, учтем!

Рисунок Л. Самойлова.

Вниманию читателей

С 1 октября 1959 года открыта подписка на журнал «Огонек» и литературные приложения к нему на 1960 год.

В 1960 году к журналу «Огонек» будут даны следующие литературные приложения:

I

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БАЛЬЗАКА В 24 ТОМАХ.

В новом собрании сочинений будут опубликованы впервые на русском языке «Лилия в долине», «Мелкие буржуа», «Иисус Христос во Фландрии», «Альбер Саварюс» и другие произведения Бальзака.

II

ПЯТЬДЕСЯТ ДВЕ КНИЖКИ БИБЛИОТЕКИ «ОГОНЕК» ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВЕТСКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Подписка на журнал «Огонек» с литературными приложениями принимается в городских отделах «Союзпечати», конторах и отделениях связи, а также общественными уполномоченными на заводах и фабриках, шахтах, промыслах, стройках, в колхозах и совхозах, РТС, учебных заведениях и учреждениях.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ПОДПИСКУ НЕ ПРОИЗВОДИТ

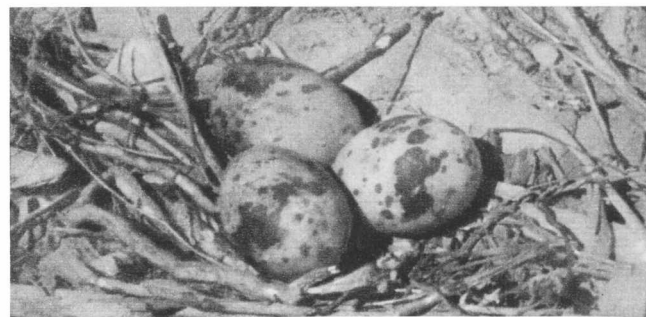
После выступления ОГОНЬКА

«НАПРОКАТ...»

В статье «Напрокат...», помещенной в журнале «Огонек» № 34 за 1959 год, сообщалось о разном в ценах в магазинах города Челябинска и Челябинской области по прокату вещей.

«Челябинское областное управление торговли сообщает, что по сигналу журнала «Огонек» управление вновь изучило вопрос о единых ценах и внесло соответствующее предложение в облисполком. Последний своим распоряжением № 1357 от 14 сентября 1959 года ввел по области, в том числе по городу Челябинску, единые цены на предметы проката.

И. УСТИНОВ,
начальник областного управления торговли».

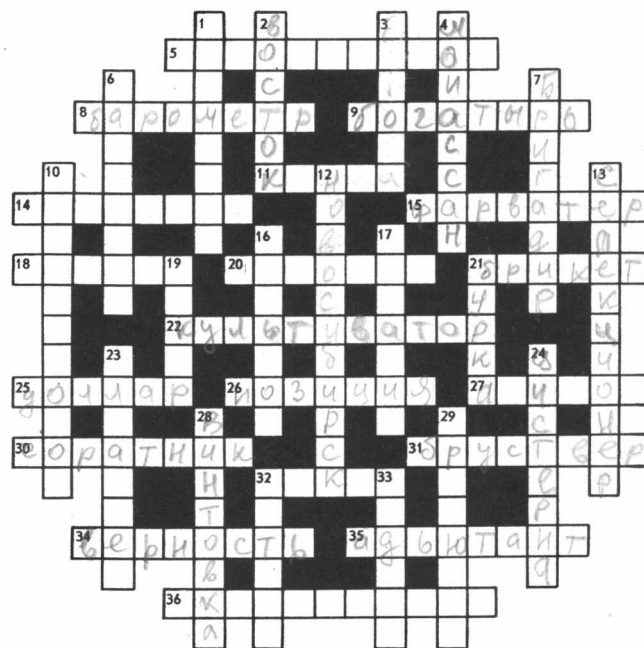
ПТИЧЬЯ МАСКИРОВКА

Попробуйте-на найти такое, как будто небрежно устроенное гнездо с тремя яйцами в защитных крапинках! Только острый взгляд наблюдателя природы увидит, что это гнездо чайки.

Г. КОВТУН

г. Стрый, Дрогобычской области.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Кустарник, растущий в горных местностях. 8. Прибор для измерения атмосферного давления. 9. Герой былинного эпоса. 11. Приток Иртыша. 14. Автономная советская республика. 15. Путь для безопасного плаванья судов. 18. Сорт крупы. 20. Радиоактивный элемент. 21. Плитка из прессованного материала. 22. Орудие для обработки вспаханной почвы. 25. Денежная единица ряда стран. 26. Расположение фигур в шахматной игре. 27. Советский живописец-баталист. 30. Товарищ по борьбе, деятельности. 31. Насыпь впереди окопа, траншеи. 32. Распространенный в Азии грызун. 34. Стойкость, неизменность. 35. Офицер для поручений. 36. Часть речи.

По вертикали:

1. Показатель хозяйственной деятельности предприятия. 2. Одна из стран света. 3.оборот речи, не переводимый дословно. 4. Французский писатель. 6. Древнейший письменный язык Индии. 7. Пьеса Д. И. Фонвизина. 10. Персонаж романа М. Шолохова «Поднятая целина». 12. Порт на Оби. 13. Специалист по выведению новых сортов растений. 16. Известный советский фельетонист. 17. Помещение для содержания животных в учебных целях. 19. Часть ходового механизма часов. 21. Войлочный плащ. 23. Литературный псевдоним А. И. Герцена. 24. Резервуар для хранения и перевозки жидкостей. 28. Огнестрельное оружие. 29. Вступление к музыкальной пьесе. 32. Точный отрывок из текста. 33. Герой гражданской войны.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали:

1. Басов. 6. Гумбольдт. 9. Кашино. 10. Привал. 14. Кивок. 17. Биография. 18. Вариометр. 19. Колосники. 21. Лесокатка. 22. Алжир. 25. Альбом. 26. Терция. 27. Клинопись. 28. Стадо.

По вертикали:

2. Амброзия. 3. Охлопков. 4. «Рудин». 5. Сдвиг. 7. «Запорожская». 8. Радиолокация. 11. «Проселок». 12. Оперетта. 13. Яблоко. 14. Килька. 15. Карьер. 16. Причал. 20. Ильменит. 21. Листопад. 23. Абель. 24. Просо.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-59.

А 08431. Подписано к печати 30/IX 1959 г. Формат бум. 70×108½. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1309. Заказ № 2183.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ЛЮДИ ИНДИИ

У источника. Штат Андхра.

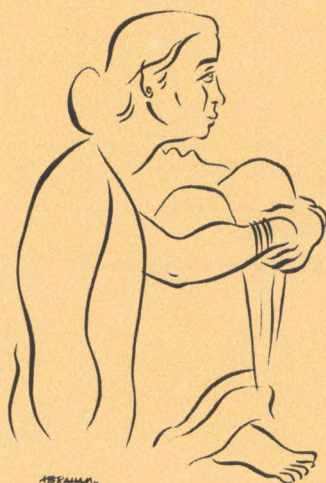
Художник А. Абрахэм, подписывающий свои произведения псевдонимом Абу, родился в штате Керала в Индии. У себя на родине он окончил математическое отделение университета. Но позже он избрал своей профессией рисование. Сейчас А. Абрахэм живет в Англии и сотрудничает в еженедельной лондонской газете «Обсервер». Одновременно А. Абрахэм — корреспондент делийской газеты «Тут». Во время своих путешествий по разным странам А. Абрахэм сделал много зарисовок. Мы печатаем здесь его рисунки, сделанные в Индии.

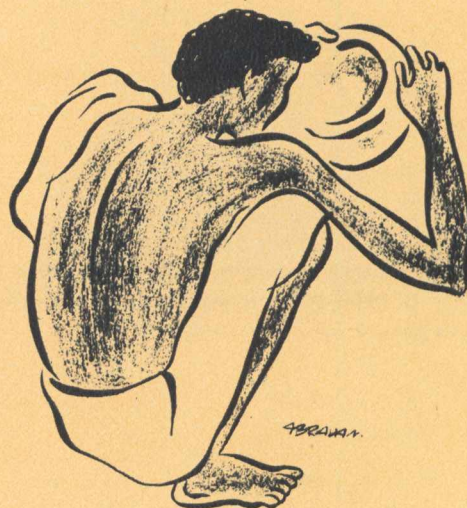
А. Абрахэм.

Готовит обед.

Женщина — жительница юга.

Глоток воды на поле.

Слепой.

Упряжка быков. Штат Керала.

Цена номера 3 руб.

